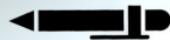

Андрей Женин

ОТ СЕССИИ ДО СЕССИИ...

ИЛИ

ИЗ ЖИЗНИ СОВЕТСКИХ СТУДЕНТОВ

Юмористическая трилогия
с оттенками грусти

18+

Андрей Женин

От сессии до сессии... или Из жизни советских студентов

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64134971

От сессии до сессии... или Из жизни советских студентов:

Юмористическая трилогия с оттенками грусти. / Женин, Андрей:

Союз писателей; Новокузнецк; 2019

ISBN 978-5-00143-048-3

Аннотация

Последнее десятилетие существования Советского Союза – переменчивые восьмидесятые, от трясины брежневского застоя до горбачёвской перестройки и ускорения. Именно в это время поиска и противоречий переносит своего читателя Андрей Женин. Главные герои – студенты-медики, типичные представители своего поколения. Они много времени проводят за развлечениями, не против совершить что-нибудь бесшабашное, легко заводят друзей и новые отношения, но при этом серьёзно относятся к будущей профессии. Помимо получения образования, сообразно требованиям эпохи им приходится участвовать в подъёме сельского здравоохранения, повышении боеспособности Советской Армии и оказании безвозмездной помощи трудовому крестьянству. Парни то отправляются на практику в районную больницу, привыкают к жизни в деревне

с её особенностями и осваивают технику «военно-полевой» медицины. То едут на воинские сборы, чтобы изобрести пар тройку способов безнаказанно нарушать армейскую дисциплину. То мчат «на картошку», где осваивают науку отлынивания и получают не только опыт по заключению сомнительных сделок, но и пробуют себя в роли кладоискателей и магов. Одним словом, от сессии до сессии живут студенты весело...

Содержание

Краткий толковый словарь	6
Из жизни студентов эпохи застоя	15
Введение	15
Город Горелово	21
Главный врач	29
Как санитарка Манька стала заместителем главного врача	38
Стахан Иванович	43
Гореловская больница	48
Татьяна и другие	58
Пари	65
Завмаг	77
Званный ужин у Сани	86
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Андрей Женин
От сессии до сессии...
или Из жизни
советских студентов:
Юмористическая трилогия
с оттенками грусти

© Оформление. ИП Суховейко Д. А., 2019

Краткий толковый словарь имён, терминов и понятий, использованных в этой книге и, может быть, не вполне понятных уважаемому читателю (в алфавитном порядке)

Sic transit gloria mundi (лат.) – «Так проходит мирская слава».

Spiritus aethilici rectificati (лат.) – чистый этиловый спирт.
Авосъка – сплетённая из толстых нитей в виде сетки сумка; советские люди всегда держали её при себе: АВОСЬ удастся что-нибудь купить.

Аморалка – аморальное поведение, термин весьма широкого диапазона, осуждающий любое поведение советского человека, не соответствующее кодексу строителя коммунизма (в том числе пьянство, внебрачные связи и т. д.).

Аортокоронарография – рентгенконтрастное исследование сосудов сердца, позволяющее точно выявить наличие, локализацию и степень их сужения.

Аппендэктомия – удаление аппендикса, обычно несложная хирургическая операция. Средняя продолжительность

аппендэктомии у обычных (не очень хороших) хирургов 30–40 мин.

«*Архипелаг Гулаг*» и «*Роковые яйца*» – запрещённые в СССР произведения Александра Солженицына и Михаила Булгакова.

Асидол – универсальная паста для очищения и придания блеска металлическим изделиям; пользуется спросом и сейчас, в основном у нумизматов для ухода за монетами.

Бодун – тяжкое состояние похмелья после вчерашнего злоупотребления алкоголем.

Бомба – большая стеклянная бутылка объёмом 0.8 литра, в которую разливали в советское время вермут, некоторые виды портвейна и прочего вина.

Брага – промежуточный продукт производства самогона, крепкого алкоголя кустарного производства; за неимением ничего лучшего, пили и её.

Брунгильда – женщина-воительница в германо-скандинавской мифологии, а также королева франков; имя нарицательное.

«*Буратино*» – один из самых распространённых в СССР и любимых видов лимонада.

Взводный – соответственно, командир взвода.

Вспышка (справа, слева и т. д.) – команда, требующая от бойца срочного перемещения и принятия горизонтального положения в стороне от «вспышки».

Генеральный секретарь ЦК КПСС – самый главный ком-

мунист Страны Советов; обычно плохо соображает, очень стар и смертельно болен.

«Губа» – гауптвахта – весьма неприятное для проживания место, где отбывали краткосрочные аресты провинившиеся военные.

«Дедушка» («дед») – солдат срочной службы, отслуживший более полутора лет.

Дежавю – в психиатрии состояние, когда некое явление или событие, до этого не встречавшееся, кажется уже виденным ранее.

Дембель – демобилизация, долгожданный переход из армейского в гражданское состояние.

Демонстрация – в СССР приуроченное к какому-нибудь празднику добровольно-принудительно согнанное в заданное место и время сборище граждан, которые исключительно добровольно или поддерживали что-нибудь, или протестовали против чего-нибудь.

Диоген – древнегреческий философ, которого абсолютно не интересовал квартирный вопрос – он жил в бочке.

ДОСААФ – Добровольное общество содействия авиации, армии и флоту (шутники расшифровывали последние буквы как «Андропову, Алиеву и Федорчуку» – то есть видным деятелям КПСС и КГБ тех времён).

Дрозофила – маленькая плодовая мушка, имеющая несчастье быть образцовым объектом генетических исследований.

Завмаг – заведующий магазином, в советское время всеобщего дефицита – очень важная персона.

Замполит – заместитель начальника по политической части; главный коммунист кафедры.

Интернатура – обязательное в СССР годичное обучение на рабочем месте после окончания медицинского института.

Каптёрка – склад в воинской части; командует им каптёр (каптёрщик), очень важный персонаж, обычно мелкий жулик.

КВД – кожно-венерологический диспансер; место, куда шли лечить свои неприличные болезни безграмотные совки.

КГБ – Комитет Государственной Безопасности – всемогущая государственная организация, основной задачей которой было не допустить предательства Родины советскими гражданами не только в поступках, но и в мыслях.

КИЛИ – комиссия по изучению летальных исходов.

Клара Цеткин и Роза Люксембург – две революционерки начала XX века, которых мужчины до сих пор проклинаят за праздник 8 марта.

Кобзон Иосиф – великий советский певец, остающийся великим и сейчас, по совместительству успешный предприниматель.

Комсомол – смена и резерв КПСС, практически всё население Советского Союза в возрасте от 14 до 27 лет, за вычетом тех, кто уже успел просочиться в ряды КПСС.

Комсорг – буквально: комсомольский организатор, руко-

водитель комсомольской ячейки любого уровня.

Контрацепция – широкая палитра мер предохранения от нежелательной беременности.

КПП- контрольно-пропускной пункт; граница, где заканчивается свобода и начинается армия.

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза; единственная и неповторимая, всем руководящая и всюду направляющая сила советского общества.

Лазарет – медицинское учреждение в военной части, квалификация его обычно оставляет желать лучшего.

Ленин Владимир Ильич – вождь мирового пролетариата и первый руководитель Страны Советов, умерший, по слухам, от сифилиса в 1924 г.; его пламенное обращение к солдатам с броневика стало одним из катализаторов революции 1917 г. в России.

Ленинская комната – помещение в казарме для проведения досуга и политзанятий у военнослужащих.

Макулатура – любая ненужная бумага.

Морфей – бог сна в греческой мифологии.

Наряд – дежурство на каком-либо участке службы (кухня, караул и т. и.), осуществляющееся по очереди; провинившихся бойцов наказывают одним или несколькими нарядами вне очереди.

Неуд – неудовлетворительная оценка (в просторечье – двойка), требующая пересдачи.

ОБХСС – отдел борьбы с хищениями социалистической

собственности, нынешний ОБЭП; наводил ужас на всех жуликов от мала до велика.

Общага – студенческое общежитие; место, где в основном протекала студенческая жизнь, причём не только тех, кто там постоянно проживал, но и коренных жителей столицы, которые оттуда тоже не вылезали.

Овощная база – в советское время огромное хранилище овощей и фруктов, неиссякаемый источник витаминов и хищений социалистической собственности.

«Огуречный лосьон» – один из самых популярных одеколонов, употреблявшихся внутри советскими алкашами и не только ими.

Олифа – жидкость на основе растительного масла; добавлялась в краску для получения нужной для работы консистенции.

Очко – дыра в полу, часто с углублением для ног, в туалетах военной части успешно заменяет унитаза.

Партком – партийный комитет; группа товарищей, управлявшая от имени КПСС своей организацией вместе с её «гражданским» руководством.

Пенистое – игра слов: от лат. penis – половой член.

Первичное бесплодие – врождённое, генетически обусловленное состояние полной невозможности иметь детей.

Первое Мая – большой праздник мирового пролетариата, День международной солидарности трудящихся всех стран.

Пирогов Николай Иванович – великий русский хирург и

анатом, создатель первого атласа топографической анатомии, основоположник русской военно-полевой хирургии.

Перитонит – воспаление брюшины; грозное, опасное для жизни осложнение ряда хирургических заболеваний, в том числе аппендицита.

Печёночный сосальщик – плоский червь, паразитирующий в печени и желчных путях животных и человека.

Плац – главная площадка в военной части, служащая для парадов, смотров, а также занятий по строевой подготовке личного состава.

Плевако Фёдор Никифорович – знаменитый русский адвокат, славившийся точными лаконичными речами и неожиданными решениями, почти всегда приводившими к победе в суде.

Портянка – кусок хлопчатобумажной ткани, которым бойцы обматывают стопы перед надеванием сапог; заменяют носки и обычно имеют специфический запах.

Птица Говорун – вымышленная птица, персонаж книги К. Булычёва «Тайна третьей планеты»; согласно мнению автора, «отличалась умом и сообразительностью».

Распределение – в СССР после окончания института молодого специалиста направляли на работу на три года в любую точку необъятной Родины; отказаться от этого удовольствия было невозможно.

Ротный – командир роты.

Самоволка – самовольное покидание воинской части без

всякого на то разрешения; излюбленное развлечение рискованных солдат, грозившее большими неприятностями.

Сельпо – сельский «универсам» советских времён.

Совок – распространённое наименование среднестатистического советского человека.

«*Союзпечать*» – монопольный бренд киосков, продававших прессу в СССР.

Слепая кишка – часть толстой кишки, от которой отходит червеобразный отросток – аппендикс.

Спирохета – одна из разновидностей бактерий; бледная спирохета (трепонема) – возбудитель сифилиса.

Спутники Марса – *Фобос* и *Деймос* (греч.) в переводе на русский язык – «страх» и «ужас».

Сталин Иосиф Виссарионович – второй, после Ленина, вождь мирового пролетариата, жестокий диктатор, прославившийся большим количеством загубленных жизней, чем голод, разруха и Вторая мировая война вместе взятые.

Старлей – общепринятое сокращение от «старший лейтенант».

Телогрейка – ватная стёганая куртка, основной вид осенне-зимней одежды в местах лишения свободы и советской деревне.

«*Терпи, коза, а то мамой будешь!*» – гинекологическая вариация известной русской поговорки «Терпи, казак, атаманом будешь!»

Треники – старые советские тренировочные штаны, обыч-

но с отвисшими коленками; основная форма домашней одежды, также использовалась для занятий спортом.

Х/б – от слова «хлопчатобумажный»; жаргонное обозначение солдатской куртки и брюк.

Холецистэктомия – простая (при отсутствии осложнений) хирургическая операция по удалению желчного пузыря; обычно длится 30–40 минут.

Фенолфталеин – мощное слабительное средство, в просторечье – «пурген».

Фуги Баха – весьма сложные для длительного прослушивания произведения великого композитора, обычно погружающие непосвящённого в глубокий сон.

ЦК КПСС – Центральный комитет КПСС; самая главная группа товарищей, управляющая страной.

ЭКГ – электрокардиограмма; основополагающий метод диагностики болезней сердца.

Из жизни студентов эпохи застоя

Введение

Шёл 1984 год. Советский народ привычно лил крокодиловы слезы по поводу «безвременной и невозполнимой утраты» – очередной смерти очередного престарелого Генерального секретаря ЦК КПСС. Люди продолжали вяло изображать строительство коммунизма и рапортовать о новых экономических победах, наступавших, как правило, досрочно, хотя в светлое будущее уже мало кто верил. Однако до глобальных перемен было ещё далеко, поэтому все, от мала до велика, вслух клялись в верности идеалам «родной Коммунистической партии», а по вечерам за стаканом дешёвого портвейна костерили её, любимую, всеми доступными словами и способами.

Заканчивался июнь, в Москве было жарко и душно. Мы только что сдали экзамены и перешли на пятый курс медицинского института. Впереди нас ожидала летняя врачебная практика. Можно было, конечно, остаться в столице, но каждое утро выползать из общаги, тяжело дыша перегаром, чтобы к вечеру всё повторилось вновь, нам казалось будничным и скучным. И мы, пользуясь связями в высших кругах комсомольской организации, решили броситься в омут роман-

тики – уехать в самую глушь, какая только была доступна по распределению. Мы написали соответствующее заявление в Комитет комсомола. С учётом задействованных покровителей, решение могло быть только положительным, но мы всё-таки немного волновались, ожидая в актовом зале начала заседания. Наконец, все собрались.

– Заседание комитета комсомола лечебного факультета считаю открытым! На повестке дня – врачебная практика студентов четвёртого курса, – торжественно объявил секретарь. – К нам поступило заявление от комсомольцев Бородина, Мартынова и Рыжова, в котором они просят направить их в Гореловскую Центральную районную больницу №-ской области для прохождения практики. Это самая отдалённая территория из всех, где нам выделили места для студентов. Товарищ Рыжов, поясни, пожалуйста, собравшимся, почему ты хочешь отправиться именно туда?

Товарищ Рыжов (для друзей – Рыжий) – это мой друг Мишка, высокий блондин со смешными веснушками на лице и рыжеватой бородкой, росшей клочками. Он один из последних динозавров, продолжавших, несмотря ни на что, верить в высокие коммунистические идеалы.

– Комсомольцы не должны бояться трудностей, ведь мы резерв нашей родной коммунистической партии, – смущаясь и краснея, сказал он. – Мы поступили в мединститут, чтобы помогать людям. А там гораздо больше возможностей кому-то помочь, чем в большом городе. Поэтому прошу ко-

митет комсомола удовлетворить мою просьбу.

Секретарь удовлетворённо закивал головой.

– Теперь ты, товарищ Мартынов.

Товарищ Алексей Мартынов – это я. Шатен среднего роста с бородой и усами, отнюдь не более густыми, чем у товарища Рыжова, обладатель неплохого чувства юмора, за которое меня всегда любили девушки и не любили многие юноши, поскольку я никак не мог отказать себе в удовольствии кого-нибудь разыграть и над кем-нибудь посмеяться. К сожалению, веру в светлое «завтра» я утратил очень давно.

– Про комсомольцев и Коммунистическую партию невозможно сказать убедительнее, чем это сделал товарищ Рыжов. Не присоединиться к нему было бы преступлением перед советским народом, – с пафосом произнёс я, и, как мне потом сообщили ответственные товарищи, сотни чертенят, водившие хоровод в моих глазах, остались довольны сказанным. Комитет комсомола одобрительно загудел.

– Товарищ Бородин? – продолжил допрос секретарь.

– А я что? Я с мужиками заодно. Тоже в эту глушь хочу, – проговорил под смех собравшихся интересный, гладко выбритый юноша, который выглядел намного старше своих друзей. – Я чего-то не так сказал? – удивлённо спросил он, обращаясь к президиуму.

Это Сашка Бородин, в миру Борода. Он хороший парень, надёжный и верный друг, но не всегда сразу «въезжает» в тему.

– Нет-нет, всё так, не волнуйтесь, товарищ Бородин, – заверил секретарь, пряча улыбку в уголках рта. – Ну что, товарищи, будем голосовать. Кто за то, чтобы удовлетворить просьбу комсомольцев Рыжова, Мартынова и Бородина и направить их для прохождения врачебной практики в Гореловскую ЦРБ, прошу поднять руку. Против? Воздержался? Единогласно. Поздравляю, товарищи! Можете быть свободны и следовать зову своего сердца. А мы продолжим наше заседание.

* * *

Выйдя из зала заседаний, я больно ткнул в бок комсомольца Рыжова:

– Слышишь, резерв хренов, ты про КПСС так загнул – у меня аж дух захватило. Молодец, можешь иногда.

– Мартын, не трогай партию. Ты же знаешь, я этого не люблю.

– Ну, извини, извини, – я поспешно дал задний ход. – Не буду больше осквернять твои интимные отношения с партией. Хотя ты уже большой мальчик и мог бы найти себе кого-нибудь помоложе и посимпатичнее!

Рыжий скорчил недовольную мину, но ничего не сказал. Товарищ Бородин догнал нас и с интересом спросил:

– Я что-то пропустил?

– Да нет, Борода, ничего. Мы тут с Рыжим гадаем: что про

нас думают люди, когда двое бородатых одного безбородого Бородой величают?!

Все дружно засмеялись и, не сговариваясь, направились в ближайший продовольственный магазин.

Стоя перед кассой, мы долго спорили, вызывая неподдельный интерес молоденькой продавщицы.

– Один берём, – с жаром настаивал я.

– Нет, два, – возражал Борода.

– Один, – поддерживал меня Рыжий.

– Два, – ещё громче требовал Борода.

– Один, – отрезал я, – от двух нам вчера плохо было. – И, выдержав театральную паузу, сказал продавщице:

– Будьте добры, пять бутылок портвейна и один плавленый сырок!

Продавщица опешила, но выставила на прилавок пять бутылок «Тридцать второго розового» и два маленьких помеченных сырка «Дружба».

– Эх, Борода, твоя взяла, – произнёс я и с притворным сожалением забрал всё-таки два сырка. – Завтра опять мучиться... Вы будете виноваты, – строго сказал я продавщице. – Могу простить Вас, если вот на этой бумажке Вы напишете номер своего телефона, как Вас зовут и где мы завтра встречаемся ровно в семь вечера.

Девушка засмеялась и написала: «Таня ждёт тебя завтра здесь в 20:00». Я поцеловал её руку, и мы вышли на улицу.

Нас ждали общага, бессонная ночь и непредсказуемые

приключения. Отмечать было что.

* * *

Прошли дни...

Город Горелово

– Подъём, подъём! Через десять минут N-ск! Встаём! – противно звенел в воздухе женский голос.

Я с трудом продрал глаза, пытаюсь понять, зачем нужно вставать и кто такой этот N-ск. Голова раскалывалась, крупными волнами подкатывала и отступала тошнота.

– Говорила мне мама: «Не мешай, Саня, водку с портвейном», – с верхней полки донеслось бормотание почти проснувшегося Бороды.

– А я слышал, пить вообще вредно, – охрипший голос Рыжего тоже вступил в беседу.

Преодолевая мучительное желание зарыться в подушку и полежать ещё чуть-чуть, я рывком скинул с себя одеяло и вскочил на ноги.

– Хоть пиво-то осталось?

– И не думай, – твёрдо отрезал Рыжий. – У нас сегодня первый день практики, а ты хочешь на рогах в больнице появиться? Могут чего-нибудь не то подумать.

И, глядя на меня с сомнением, произнёс:

– А может, как раз то?!

Мы вышли на перрон. Только светало, но сомнений, что день будет жаркий, уже не возникало. Очень хотелось пить...

– Это мираж? – спросил Борода, указывая пальцем в сторону здания вокзала. Там стоял автомат с газированной во-

дой!

– Будем надеяться, что нет! – хором ответили мы с Рыжим и дружно понеслись к автомату.

* * *

В советское время почти на каждом углу стоял автомат с надписью «Газированная вода». В него можно было засунуть монету достоинством в одну копейку, и оттуда лилась простая, холодная газированная вода. Можно было запихнуть трёхкопеечную монету, и тогда из автомата сначала выливалось немного сиропа, а потом газированная вода. Сироп мог быть лимонный, грушевый, апельсиновый и ещё чёрт знает какой, но вкус у него почему-то был всегда одинаковый. Школьники и студенты очень любили пить сироп без воды – если своевременно убирать стакан после выдачи порции сиропа, то за девять копеек можно было получить почти полный стакан сладкой жидкости.

К автомату лучше было приходиться со своей тарой, поскольку гранёный стакан, который прилагался к автомату, представлял собой бесценную находку для микробиологов: из него пили все подряд, в лучшем случае споласкивая той же самой газировкой. К счастью для здоровья граждан, стакан было очень трудно привязать к автомату, а всё, что не было привязано и приковано, уворовывалось предприимчивыми комсомольцами, коммунистами и беспартийными быст-

ро и с удовольствием.

Конечно, сироп был нужен далеко не всем: гражданам, имевшим накануне свидание с зелёным змием, требовалась просто вода, холодная газированная вода. Ходил даже такой анекдот: «Утром у автомата с газированной водой стоит бабка и собирается попить воды. Подбегает один мужик, дышит перегаром и со словами: «Прости, бабка, я с бодуна!» – выхватывает у неё стакан с водой, жадно пьёт и убегает. Потом второй, третий... Бабка растерянно качает головой и произносит: «Ничего не понимаю... У вас там, в Бодуне, засуха, что ли?!»

* * *

Тот, кто не пил после суровых ночных бдений ранним летним утром из запотевшего гранёного стакана холодную газировку ценою в одну копейку, кто не ощущал, как пузырьки газа смешно щекочут горло и выбегают наружу через нос, не в состоянии понять уровень счастья, которое испытывали студенты, лениво допивавшие третью-четвёртую порцию живительной влаги.

Напившись вдоволь, мы уселись на лавку и стали ждать больничную машину, которая должна была встретить нас и отвезти в Горелово. Жизнь представлялась значительно более желанной, чем десять минут назад, и мы стали разглядывать привокзальную территорию, общий вид которой полно-

стью соответствовал нашим теоретическим представлениям о небольшом провинциальном городишке середины восьмидесятых годов XX века.

Дело в том, что ситуация с информацией в СССР обстояла ужас как плохо. В то счастливое время ещё не было ни мобильных телефонов (стационарные и то имелись далеко не у всех, даже в крупных городах), ни Интернета. Приходилось обращаться к различным справочникам, из которых узнать что-либо ценное о нужном объекте не представлялось возможным. По мнению идеологов социализма, такие сведения могли представлять стратегический интерес для многочисленных врагов советского народа, которыми кишмя кишела вся окружающая действительность. Двухэтажное здание вокзала с облупившейся краской, единичные сонные прохожие, стройные ряды тополей и лип, лениво шевеливших тяжёлыми ветвями, – всё это вполне соответствовало нашим гипотетическим знаниям о российской глубинке. Так, созерцая спокойный и умиротворяющий пейзаж, мы незаметно для себя погрузились в дремоту.

* * *

– Мужики, уже десять утра, – воскликнул Рыжий, протирая глаза.

– Вот чёрт! – Я тоже проснулся. – Долбаная машина, по-

хоже, нашу встречу прогуляла!

– Похоже на то, – согласился Борода, сладко позёывая.

«Будем добираться самостоятельно», – решили мы, справедливо расценив, что иного выхода у нас просто нет, а «язык до Киева доведёт». Мы нашли выдавший виды автобус «ПАЗ», отправлявшийся в Горелово через сорок минут, усадились на заднее сиденье и тут же вновь погрузились в беззаботный сон, свойственный молодым людям с чистой совестью, особенно после нескольких литров различного рода алкогольной продукции, выпитой в поезде накануне ночью.

* * *

– Выходить будем или обратно поедем!? – прогремел хриплый бас, безжалостно выдёргивая нас из сладкого плена Морфея.

Мы, как по команде, открыли глаза и ошалело посмотрели друг на друга. Автобус стоял в чистом поле, и лишь покосившийся столб с буквой «А» указывал на наличие автобусной остановки.

– Что это? Ты куда нас привёз? – злобно спросил Борода у водителя.

– В Горелово. А вы куда хотели? – озадачился мужик.

– А где сам город? – удивился я.

– Какой город? Здесь нет никакого города...

– А как же Горелово?

– Так это и есть Горелово! Сейчас пройдёте по дороге километра полтора-два, и будет ваше Горелово! Туда на автобусе не проедешь: дорога больно узкая! Только города никакого не ждите – так, деревня вдоль реки домов на двести!

– А больница тут есть?

– Больница есть. На пригорке, возле церкви, мимо не пройдёте! А вы что, лечиться приехали?!

– Да, лечиться, похоже, нам не помешает, раз мы по собственному желанию и зову Коммунистической партии сюда припёрлись, – задумчиво произнёс я. – Ладно, спасибо, шеф, что довёз. Пошли, мужики... лечиться...

Солнце пекло нещадно. По синему небу лениво плыли утомлённые жарой редкие облачка. Испепеляющий зной изрядно подпортил желтизной некогда зелёную траву. По просёлочной дороге, коричневой лентой разрезавшей зеленовато-жёлтый ковёр бескрайнего некошеного поля и плавно петлявшей то вверх, то вниз, медленно шли три молодых человека, проклиная духоту, свою тягу к романтике и увесистые сумки в руках.

Минут через пятнадцать мы наконец увидели одинокий дорожный знак, гордо возвышавшийся на обочине. На нём значилось: «Горелово». Вдали показались первые покосившиеся домишки. Подойдя поближе, мы убедились, что водитель автобуса вовсе не лукавил: вдоль небольшой речушки шириной метров восемь-десять одна за другой теснились бревенчатые лачуги с трубами из красного кирпича на по-

росших травой крышах. Впереди на пригорке маячил купол церкви со странным крестом, у которого отсутствовала правая сторона.

– Глядите, мужики, – засмеялся я, вытирая с лица крупный пот, градом катившийся на потрескавшуюся от зноя землю. – Здесь настоящий оплот Советской власти! Даже крест косит под звезду – он пятиконечный!

Рыжий неодобрительно покачал головой, но сил взывать к моей комсомольской совести у него не осталось, и он промолчал.

Подойдя поближе и поднявшись на пригорок, мы увидели полуразвалившуюся церковь с тяжёлой дверью, зачем-то закрытой на ржавый амбарный замок, и тем самым, действительно пятиконечным, крестом на куполе. Рядом с церковью, метрах в десяти, по одну сторону тянулся ряд двухэтажных барачков, по другую примостились одноэтажные бревенчатые домики (надо отдать должное, находились они в лучшем состоянии, чем на окраине деревни). На всей плоскости пригорка трава была вытоптана, а возле одного из барачков стоял зелёный УАЗ с проржавевшими порогами и передними крыльями. Пассажирскую дверь украшала внушительная прореха. Рядом была припаркована потрясающая воображение чистотой и блеском новенькая чёрная «Волга» – мечта любого советского человека.

– Вот это класс! – восхищённо воскликнул Борода. Он слыл в кругу друзей большим знатоком автомобилей и вооб-

ще всякой колёсной техники. – Чья же это красавица? И как она здесь очутилась?

Перед другим баракком возле старенькой лавочки стоял на четвереньках и тщетно пытался подняться долговязый мужчина неопределённого возраста в белом (вернее, сером!) халате. Мы подошли к нему, чтобы помочь и заодно узнать, где здесь больница. Мужчина нашей помощи совсем не обрадовался, принялся свирепо вращать глазами и материться. Он был настолько пьян, что ничего членораздельного выудить из него не удалось, поэтому мы решили прогуляться вдоль хлипких строений.

На здании, перед которым стояла красавица «Волга», мы увидели табличку с надписью, сделанной золотыми буквами: «Министерство здравоохранения РСФСР. Гореловская центральная районная больница». Под ней подрагивал от ветра неровно приклеенный тетрадный лист, на котором корявым почерком было начертано «АДМИНЕСТРАЦЫЯ» (орфографию оставляю исходной).

«Чудны дела твои, Господи», – подумал я и украдкой перекрестился, глядя на скособоченную церковь с поймавшим звёздную болезнь крестом.

Мы открыли скрипучую дверь, и... наша врачебная практика началась.

Главный врач

В полутёмном помещении за столом с важным видом сидела сухонькая старушка в очках с треснутым стеклом и делала вид, что перебирает бумаги. За её спиной мы увидели две двери. На левой было написано: «Главный врач тов. Башкатов Валерьян Савельич», на правой значилось: «Заместитель главного врача по лечебной части тов. Башкатова Мария Ивановна».

В Советском Союзе слово «товарищ» было одним из самых распространённых, но вовсе не за счёт его традиционно-го смысла. Дело в том, что, начиная с истоков коммунистического движения, так обращались друг к другу его участники, вне зависимости от пола, возраста и общественного положения. Обычному «Иван Иванович» все почему-то предпочитали «Товарищ Сидоров», а в народе даже ходила шутка: «Среди нас, товарищи, есть такие товарищи, которые нам, товарищам, товарищи, совсем не товарищи!» Даже в государственных учреждениях на табличках перед фамилией ответственного лица обязательно было написано «ТОВАРИЩ Сидоров» или, на худой конец, сокращённо «Т. или Тов. Сидоров».

– Муж с женой, что ли? – удивился Борода.

– Супруги они. А вы, товарищи, собственно, к кому? – спросила старушка хриплым, прокуренным голосом.

– Мы студенты из Москвы, приехали отбывать... простите, проходить практику. Нас должны были встретить... – начал было Рыжий, но старушка прервала его:

– Мне, милоч, оно без надобности. Своих делов хватает. Вам к хозяину.

Она встала, постучала в дверь, осторожно открыла её, к нашему удивлению, поклонилась в пояс и подобострастно спросила:

– Валерьян Савельич, к Вам заезжие из самой Москвы. Не соизволите ли принять?

– Пусть заходят, – раздался властный голос.

Мы зашли в просторный кабинет. Спиной к окну стояло деревянное резное кресло с высокой спинкой. Из-за стола нам навстречу тяжело поднялся грузный мужчина лет пятидесяти – пятидесяти пяти с красным лицом, испещрённым лиловыми прожилками и выдававшим в нём человека, состоящего с зелёным змием в близких, дружеских отношениях. Белый накрахмаленный халат не мог скрыть обширное пузо, которое ясно говорило окружающим, что его обладатель не только выпить, но и поесть не дурак.

«Зря эти гады не дали мне утром пивка принять. Этот бы понял», – пронеслось у меня в голове.

– Кто такие? – пророкотал владелец кабинета.

– Мы студенты из Москвы, приехали на практику. Нас должны были встретить, но не встретили, пришлось самим добираться, поэтому так поздно, – выпалил Рыжий.

– А, так вы те самые трое студентов... Знаю, докладывали. А у нас машина сломалась, чинят сейчас. Ну, проходите, проходите. Знакомиться будем, – сказал тов. Башкатов и жестом пригласил нас сесть.

Мы познакомились.

– Как добрались? Вы, наверное, голодные с дороги?

– Да нет, спасибо... – начал я, но Рыжий, густо покраснев, прервал меня:

– Если честно, очень...

Главный врач рассмеялся:

– Марфа Степановна, организуй-ка нам чего-нибудь перекусить!

Секретарша вошла в кабинет, опять поклонилась и неожиданно шустро поскакала (иначе не скажешь!) выполнять поручение шефа.

– Кем хотите быть, уже знаете?

– Мы хирурги, – мгновенно отреагировал Борода, показав пальцем поочередно на себя и Рыжего, – а Мартын – терапевд.

Сказал он это с некоторым пренебрежением, и я затаил обиду.

– Слушай, – задумчиво произнёс Хозяин, обращаясь ко мне, – а ты знаешь, что такое ЭКГ?

– В общем, знаю, – уверенно ответил я. И не соврал. Я действительно кое-что знал, поскольку уже два года подрабатывал медбратом в кардиологическом отделении больницы.

– И снимать умеешь? – удивился главный врач.

– Конечно, – гордо подняв голову, подтвердил я. – И расшифровывать тоже могу.

– Это ж надо, какая удача! – всплеснул руками Валерьян Савельич. – У меня уже три года стоит этот злосчастный аппарат, а работать с ним никто не умеет. Будешь терапевтический приём в поликлинике вести. За деньги, разумеется. Согласен?

«Какой же дурной студент откажется подзаработать, тем более если всё равно ходить на практику?» – подумал я и утвердительно кивнул.

– Отлично, будешь главным... над всеми, – добавил он и царственной рукой с толстыми пальцами-сардельками провёл над головами Бороды и Рыжего.

– Да, им действительно без руководства – никуда, – злобно кивнул я и смерил обоих снисходительным взглядом. А Бороде украдкой показал средний палец – пусть знает наших!

– И ещё, – продолжил главный врач, – в больнице не хватает кадров, дежурить некому. Поэтому, если хотите, можете ещё подежурить врачами за отдельную плату. Так как?

– Конечно, хотим! – ответили мы хором, и в наших головах начали сами собой строиться грандиозные планы, куда мы денем такую кучу заработанных честным трудом денег.

Следует отметить, что студенты в СССР жили небогато и строили коммунизм на голодный желудок. Но уж если где действительно удалось его построить, так это в студенческой общаге семидесятых-восьмидесятых годов прошлого века.

Студенты собирались всем миром, пили, ели, танцевали и пели, тут же спали и занимались любовью – в общем, каждый делал, что хотел. Неизменно кто-то приносил с собой выпивку и провизию, кто-то был при деньгах, а кто-то приходил просто так – никто друг другу ничего не считал. Сегодня был богачом один, завтра – другой. Но на стипендию в размере сорока рублей можно было купить всего восемь бутылок водки, или двадцать бутылок дешёвого портвейна, или двадцать пять бутылок самого низкопробного сухого вина, естественно, если не тратить ни копейки на одежду, проезд и цветы для любимой. Взамен можно было, конечно, приобрести восемнадцать килограммов колбасы или тринадцать килограммов сыра, но так поступали немногие. Как говорилось в студенческой поговорке, «когда заканчивается выпивка, закуска становится едой». До такого бедствия дело доводить никто не хотел, поэтому деньги тратились на выпивку, а закуску добывали самыми разнообразными способами.

Нам сильно повезло: буквально одновременно с нашим поступлением в институт прямо рядом с ним открыли один

из первых в Москве продуктовых магазинов самообслуживания. Понятно, ни охраны, ни видеокамер тогда не было. Считалось, что советский человек, комсомолец или коммунист, не должен воровать продукты. Однако студенты были категорически не согласны с данным утверждением, справедливо полагая, что, «если из многого берут немножко, это не кража, а просто делёжка». Можно только догадываться, какие убытки приносили несчастному магазину сотни голодных и ужасно прожорливых молодых людей! Покупался обычно джентльменский набор: много разной выпивки, пара плавленых сырков, четвертушка чёрного хлеба за пять копеек и банка кильки в томатном соусе. Вся остальная ветчина и прочий сыр распихивались по карманам и проносились абсолютно безвозмездно. И ведь практически никогда не попадались!

Несмотря на такую замечательную гуманитарную помощь со стороны Советского государства, деньги всё-таки заканчивались, причём довольно быстро. И тогда их добывали кто как мог. Кто-то выпрашивал у родителей, кто-то за гонорар выполнял задания для богатеньких коллег-дебилов, а основная масса студентов работала санитарями или медсёстрами в больницах, благо дефицит медицинских кадров был всегда.

* * *

Когда Валерьян Савельич предложил нам работать насто-

ящими врачами за настоящую зарплату, мы были счастливы, а скрип наших мозгов, переводящих гипотетические денежные знаки в бутылколитры, был, наверное, слышен даже за дверью и окончательно оглушал и без того страдавшую тугоухостью пожилую секретаршу

– Можно? – с громким стуком дверь распахнулась, и в кабинет бочком протиснулась необъятных размеров тётка в белом накрахмаленном халате и высоком колпаке. В руках она держала поднос.

– Заходи, заходи, тётя Нюра! Ставь сюда, – распорядился главный врач, показав на свободное от бумаг место на столе. – Спасибо, иди с Богом.

На подносе в сковородке дымилась жаренная с лучком картошка с хрустящей корочкой, посыпанная свежей зеленью. Рядом на тарелке лежали тонко нарезанные ломтики сала с прожилками мяса. В кастрюлю с половником внутри была налита какая-то густая белая масса. Савельич взял половник и принялся бодро разливать по алюминиевым кружкам тягучую жидкость. Увидев недоумение в наших глазах, он усмехнулся и сказал:

– Не бойтесь, это простокваша. Домашняя, деревенская. Вы такой не пробовали.

Действительно, ничего вкуснее той картошки с салом и простоквашей я ни до, ни после не ел. К концу практики, правда, местная пища нам порядком надоела, поскольку особых разносолов здесь не было. Но потом, уже вернувшись

в Москву, мы ещё не один год вспоминали замечательный запах и вкус фирменной гореловской жареной картошки от тёти Нюры!

Мы съели всё до последней крошки и были почти счастливы. Тётя Нюра, засыпанная нашими похвалами (она, наверное, столько комплиментов не слышала за всю свою долгую жизнь!), покраснела от удовольствия и удалилась с пустым подносом, а Валерьян Савельич велел секретарше позвать какого-то Александра Николаевича.

– Сейчас он придёт, – пояснил главный врач, – покажет вам больницу, расскажет, что здесь и как. Чего будет непонятно – спрашивайте у меня. Потом можете отдыхать, обустроиваться. Александр вас проводит в дом, где жить будете.

Раздался стук, в кабинет вошёл коренастый молодой человек чуть постарше нас и вопросительно посмотрел на Валерьяна Савельича.

– Саша, это врачи-практиканты из Москвы. К нам пожаловали на два месяца. Покажешь им всё, расскажешь, а потом отведёшь в бывший председательский дом – пусть там живут. Не забудь постельное бельё для них получить. Ну, всё, свободны, – обращаясь уже к нам, добавил главный. – Завтра к 9:00 сюда на пятиминутку.

Мы поблагодарили и вышли за дверь вслед за нашим проводником.

– Хвостов Александр Николаевич. Можно просто Саня, – сообщил он, выйдя из кабинета шефа.

Мы представились.

– Можно на «ты»? – спросил я.

– Конечно, можно, – ответил Саня. – Я здесь второй год по распределению. Акушер-гинеколог. По совместительству – анестезиолог.

– Это как? – с удивлением поинтересовался Борода.

– Да вы здесь много разных чудес увидите! Настоящая земская больница! Вы погодите, ещё сами в чём-нибудь интересном поучаствуете.

– Слушай, Сань, а главврач кто по специальности?

– Он хирург.

И, немного помявшись, добавил:

– Весьма своеобразный.

– А жена его?

– Манька-то? Да какой она врач?! Она бывшая санитарка, за Савельича замуж через партком вышла.

И Саня нам поведал историю про санитарку Машу.

Как санитарка Манька стала заместителем главного врача

В СССР путь к кормушке проходил через партию. Тот, кто не **IS** входил в стройные ряды КПСС, практически был лишён возможности занимать сколько-нибудь ответственные должности, а также всегда оставался на вторых ролях при получении квартир, бытовой техники и иных материальных благ. Но была и обратная сторона. Каждый партиец был обречён плыть в узком русле норм и правил коммунистической морали, поскольку исключённый из КПСС автоматически становился изгоем и превращался в ещё более ничтожную личность, чем беспартийный.

Этим активно пользовались молодые и не очень молодые девушки с соответствующим складом характера, желавшие вступить в законный брак. Механизм создания новой ячейки общества работал так. Некий любвеобильный коммунист Сидоров вступал в интимную связь с целеустремлённой красоткой, которая беременела в максимально короткие сроки и немедленно сообщала суженому о счастливом событии, ожидая безмерной радости, цветов, обручального кольца и салатика на свадьбе. Однако подобный поворот обычно совершенно не входил в планы товарища Сидорова, зачастую уже пускавшего слюни, глядя на следующую возможную сексуальную партнёршу. Будущий отец начинал бессвязно бормо-

тать что-то о тяжёлом материальном положении, нерешённом квартирном вопросе, больной маме. То краснея, то бледнея, он всячески обосновывал абсолютную невозможность жениться именно сейчас («вот если бы завтра – тогда конечно, и с удовольствием, а так...») и плавно подводил более ненужную постельную подружку к необходимости прерывания беременности.

Да только не на ту напал! Если осрамившийся партиец продолжал упорствовать, обиженная женщина писала заявление в партком. В нём она подробно излагала, как товарищ Сидоров её, невинную девушку, длительно и упорно склонял к сожительству, обещал райские кущи и золотые горы, а теперь, когда она в минуту слабости поддалась его демоническим чарам и зачала будущего достойного члена советского общества, предлагает ей совершить страшный грех и лишит ребёнка жизни.

И начинала работать отлаженная партийная машина! Несчастливого коммуниста вызывали на партком. Его вялые оправдания никого не интересовали, поскольку решение было известно заранее. Перед подсудимым вставала дилемма: либо остаться с партией и немедленно связать себя брачными узами с несчастной беременной, либо расстаться с обеими, получив взамен «волчий билет» на всю оставшуюся жизнь. Наиболее упёртые или те, кому и так ничего хорошего не светило, выбирали второе, оставшиеся девяносто процентов – первое. Их по-отечески журили, хлопали по плечу

и, предвкушая возможность выпить на халяву, ждали торжественного момента «добровольного» создания новой ячейки советского общества.

А дальше приходил черёд семейной жизни. Товарищ Сидоров продолжал пускать слюни при виде посторонних представительниц прекрасного пола, и ему периодически даже удавалось затащить кого-нибудь в постель. Иногда об этом узнавала или, ещё хуже, горе-прелюбодея заставляла на месте преступления законная жена, и тогда Сидоров выглядел, как побитая собака, оправдывался и торжественно обещал, что «это в последний раз». Супруга ругалась, била его по лысеющей голове посторонними предметами и угрожала парткомом. Однако никуда уже не шла, так как не хотела нанести вред материальному состоянию семьи. Могли ведь понизить мужа в должности или лишить премии! Вот так они и жили в счастливом браке долгие годы и умирали в один день. Последнее, правда, случалось не всегда...

Так попал в плен брачных уз и Валерьян Савельич. Молодой хирург и коммунист распределился в Гореловскую больницу с дальним прицелом – ему прочили в некотором отдалённом будущем должность главного врача, благо прежний был весьма стар и уже узнавал с трудом даже своих близких, что уж говорить о коллегах по работе или тем более пациентах. Уволить его не могли, поскольку он был однополчанином второго секретаря N-ского обкома КПСС, а потому терпеливо ждали его славной кончины.

Валерьян Савельич отличался безмерной похотью, особенно по пьянке, а выпить он был совсем не дурак. И вот однажды, хлебнув на дежурстве лишку спирта, он залез на полуграмотную санитарку Машку Хрюнину, которая работала в пищеблоке на подсобных работах. Манька, как водится, забеременела, о чём и сообщила молодому специалисту сразу, как узнала сама. Ну, а дальше – всё как обычно. Коммунист Башкатов новости был, мягко говоря, не рад и предложил своей случайной сожительнице сделать аборт. Та, хоть и имела четыре класса образования, житейски была совсем не душой и такой шанс упускать не собиралась. Она обратилась в партком, и перед Савельичем встал ребром вопрос: или Хрюнина становится Башкатовой, а сам Валерьян остаётся уважаемым членом КПСС и в перспективе возглавит больницу, или товарищ Башкатов прощается с Маней, но также с партией и перспективами.

И превратилась Хрюнина в Башкатову. Через несколько лет умер старый главный врач, и мечта Валерьяна Савельича исполнилась: он стал полновластным хозяином больницы. А ещё через несколько лет он набрал силу, оброс серьёзными связями и смог – непонятно каким образом! – сделать супругу, Марию Ивановну, заместителем главного врача по лечебной работе, хотя образования, в отличие от массы тела, выросшей вдвое, у неё за эти годы совсем не прибавилось. Понятное дело, спорить с главным никто не хотел, и правила Мария Ивановна больницей вместе со своим мужем, разда-

вая по собственному разумению кому пирожки, кому оплеухи, гордо покачивая в процессе сразу тремя подбородками.

Стахан Иванович

Мы в сопровождении Александра Николаевича вышли на улицу и испытали настоящее дежавю. Перед баракком возле лавочки продолжал барахтаться, нецензурно бранясь, уже знакомый нам долговязый мужчина неопределённого возраста.

– Местная достопримечательность – Стахан Иванович, – пояснил Саня в ответ на наши недоуменные взгляды.

«Интересное имя», – подумал я.

Если в России времён императорского правления имена новорождённым выбирали по святцам, то в Советском Союзе, где религия была объявлена «опиумом для народа», каждый фантазировал, как хотел. Относительно адекватные граждане ограничивались Танями, Манями и Андрюшами в честь мамы, папы или двоюродной бабушки, а особо идейные выдумывали идеологически обоснованные имена. Хорошо, если это были «Роза и Клара» в честь дорогих товарищей Клары Цеткин и Розы Люксембург. Полбеда, если ребёнка называли «Вилен», «Владлен» или «Владилен», формируя имя любимому чаду из инициалов вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина. Гораздо хуже, когда пролетарий обладал буйной фантазией и действовал по наущению низкосортного зелёного змия. Тогда появлялись на свет «Тракторины» (в честь первого советского трактора), «Сме-

мириимпы» («смерть мировому империализму») или, прости Господи, «Даздрапермы» («да здравствует Первое Мая»).

Имя «Стахан» своим происхождением было обязано товарищу Александру Стаханову, передовику производства, знаменитому шахтёру, выполнявшему за одну смену чуть ли не десяток норм, и основоположнику «стахановского движения» – битвы за максимальную производительность труда. Надо честно сказать, что баснословную выработку герою помогала выполнять вся шахта в целом, а настоящая фамилия его была «Стаканов». Но «стакановское движение» (кстати, весьма распространённое в Советском Союзе не только среди шахтёров и весьма почитаемое самим передовиком, который двигался в известном направлении с особым усердием и даже, говорят, помер от алкоголизма в молодые годы) звучало слишком неоднозначно, что вынудило партийные власти немедленно подкорректировать фамилию знатного рабочего.

Так он стал «Стахановым», а некоторые идеологически подкованные последователи его истинного движения начали портить жизнь своим несчастным детям с рождения, нарекая их, например, «Стаханом».

– И кто этот Стахан Иванович? – заинтересовался Борода.

– Врач. Хирург, – ответил наш проводник.

– ?????

Мы были в шоке.

Как выяснилось, Стахан Иванович закончил Курский ме-

дицинский институт и по распределению приехал в Горелово. Его сопровождала супруга Марина и двое детишек, девочек-погодок трёх и четырёх лет соответственно. Марина по образованию была бухгалтером, однако по специальности не работала и сидела с дочерьми. Сам Стахан слыл человеком правильным и подавал большие надежды. Он не курил и совсем не употреблял спиртного, его скарб в основном состоял из книг – медицинских и художественных. Он, когда не был занят на приёме или в операционной, постоянно читал. В хирургии у него получалось все легко и просто, видимо, таланта он был недюжинного, образование имел достойное и постоянно пополняемое, да и руки у него росли из нужного места.

Дружбы Стахан особо ни с кем не водил, поскольку народ вокруг подобрался изрядно пьющий и интеллектуально убогий, ему не чета. И всё кончилось бы хорошо, если бы не Марина... Жена то ли исходно была, то ли от скуки и однообразия деревенской жизни стала полной противоположностью своему мужу. Она безбожно пила всё и со всеми подряд, а напившись, устраивала оргии с первыми попавшимися под руку самцами любого возраста и чина. О детях и муже женщина периодически забывала, неделями не бывала дома и ночевала неизвестно где. Бедный Стахан работал, как проклятый, один воспитывал детей, а в свободное время читал. Только времени этого становилось всё меньше. Так продол-

жалось несколько лет, даже рождение мальчика неизвестно от кого лишь на пару месяцев заставило Марину прервать разгульную жизнь.

Стахан Иванович терпел молча. Он всё меньше и меньше читал, пока не прекратил совсем, ходил неряшливо одетый и... начал в одиночку выпивать: сначала только водку раз-два в неделю, потом водку и портвейн четыре-пять раз, потом всё то же и пиво сверху ежедневно. Оперировал он по-прежнему хорошо, лишь иногда, перебрал, допускал небольшие просчёты, впрочем, существенно не влиявшие на течение болезни. Но однажды произошло непоправимое. Его собственная старшая дочь заболела аппендицитом, диагноз был поставлен с опозданием. Оперировать взялся сам Стахан, хотя пьян был изрядно и на ногах держался с трудом. Его уговаривали отказаться от сомнительной затеи, но тщетно... Что уж он сотворил не так, в чём ошибся, никто не знает, да только девочка умерла прямо на операционном столе. Смерть дочери перевернула всю жизнь и без того несчастной семьи. Марина резко завязала с выпивкой, публично прокляла мужа и через несколько дней уехала из Горелово в неизвестном направлении, забрав с собой оставшихся детей.

А Стахан... От него больше никто и никогда не услышал ни одного внятного слова. Он пил, не просыхая, а начиная трезветь, пил снова. На работу ходить перестал. Все попытки товарищей и коллег образумить его ни к чему не привели. Думали даже поместить бедолагу в психиатрическую боль-

ницу, да в радиусе ста километров ничего подобного не обнаружили и отступили вовсе.

Так и ползал он уже почти восемь месяцев от дома до больницы, кувыркался, матерясь, возле любимой лавочки, периодически, наверное, что-то ел и забывался тяжёлым, недолгим сном, чтобы потом проснуться, ухватить бутылку дрожащей рукой и продолжить своё бессмысленное существование. Окружающие его жалели, но со временем привыкли и стали относиться к бывшему хирургу как к некоему постоянному неодушевлённому атрибуту своего быта. А про Марину в Горелово больше никто не слышал.

– Жаль мужика, – пробормотал Рыжий, дослушав до конца трагическую историю бывшего хирурга. – Всегда говорил, всё зло от баб!

– Ладно тебе, от них не только зло всё-таки! – примирительно проговорил Саня. – Пошли посмотреть больницу.

Гореловская больница

Я позволения сказать, «корпуса» больницы мало отличались друг от друга. Они представляли собой деревянные бараки с обшарпанными дощатыми полами в коридорах, в кабинетах врачей и в палатах на восемь-десять человек, где стояли койки времён, наверное, ещё Первой мировой войны. На вид они напоминали гамаки; при попытке улечься на пружинистое ложе «мягкое место» даже не очень габаритного пациента оказывалось в опасной близости от пола, надо признать, начисто вымытого. Процедурные кабинеты и операционные были сплошь покрыты местами потрескавшимся кафелем с непонятным рисунком, стёршимся от времени и частого мытья. Поликлинический корпус отличался отсутствием окафеленных помещений и палат, зато здесь находился небольшой актовъ зал с подиумом и трибуной, над ними висели кумачовые лозунги: «Слава КПСС!» (кстати, «Слава КПСС» – это совсем не еврей и даже вовсе не человек, это значит СЛАВА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА!) и «Да здравствует советский народ – ВЕЧНЫЙ строитель коммунизма» (выделено мною, я подумал, что при товарище Сталине за такое могли и расстрелять!).

Больных было совсем мало. В сельской местности и так не очень принято валяться по больницам, а тут ещё лето, стра-

да, сбор урожая и т. д. Арсенал медикаментов был ещё более скуден, чем набор пациентов. Из антибиотиков присутствовали пенициллин и бисептол, из сердечных препаратов – нитроглицерин и валидол, имелись также витамины, таблетки от кашля и активированный уголь. Как мы убедились в дальнейшем, этот нехитрый список назначался практически всем страдалцам в полном объёме.

– А где морг? – спросил я Саню после обхода больницы.

– А морга тут как раз и нет, – ответил тот.

– Никто не умирает? – изумился Рыжий.

– Умирают, как положено. Но здесь все знают: Бог дал, Бог взял. Поэтому никаких претензий и разборок не бывает. Если есть родственники, забирают и потом хоронят. Если нет, за церковью есть кладбище. Санитары заворачивают труп в простыню, выкапывают могилу и сами зарывают. Такова жизнь.

Мы сели на лавочку во дворе больницы и дружно закурили, думая о бренности бытия.

– Расскажи: как тут все организовано? – попросили мы.

– Ну, слушайте. Маленькая географическая справка: Гореловский район N-ской области состоит из райцентра – Горелово с населением пять тысяч человек (на самом деле, не более тысячи) и двадцати – двадцати пяти деревень от двух до пятидесяти дворов, разбросанных по внушительной территории (радиус района около двадцати пяти километров). Дороги просёлочные (то есть на самом деле отсутствуют).

Всё, как и должно быть в России: дураков полно, дорог нет! Медицинская помощь, как вы уже поняли, оказывается в Гореловской ЦРБ, здесь же находится станция скорой медицинской помощи. Как? Вы её не заметили? Это каморка в поликлинике, где обычно дрыхнет водитель Степаныч. Он управляет тем самым замечательным автомобилем УАЗ с насквозь проржавевшим кузовом, который носит гордое название «автомобиль скорой медицинской помощи». Как вызывают скорую помощь? Вы будете смеяться, правда, сквозь слёзы – её вызывают ТЕЛЕГРАММОЙ. Телефонной связи в округе нет! На вызовы ездит дежурный врач по больнице. Если вызов поступил из какой-нибудь дальней деревни, его ждёт долгий и опасный путь: можно ехать несколько часов и застрять где-нибудь по дороге, особенно в период дождей или зимой. А ещё у нас часто бьются юные нетрезвые мотоциклисты, периодически насмерть. Выезжаешь на вызов, тащишься два-три часа. Приезжаешь на место, у дороги лежит исковерканный труп. Лежит, видимо, давно (пока увидели, пока телеграмму отправили, пока приехали... несколько дней прошло!). И что делать?! Морга-то у нас нет...

Сашка выдержал театральную паузу и продолжил:

– И тогда достаёшь бумажку, ручку и булавку, на бумажке пишешь «умер тогда-то» и прикалываешь сие свидетельство о смерти к груди бедолаги. Найдутся родственники – заберут, а коли нет – сердобольные селяне где-нибудь похоронят. Такие у нас дела, братцы.

Мы представили себе мрачную картинку гореловской действительности и загрустили. А Сашка продолжил:

– Вообще, тоска здесь зелёная: кроме водки да изредка приезжающих девушек (до местных даже дотрагиваться нельзя – прибьют или оженят!), ничего нет... Я даже иностранный язык с горя учить стал. У вас-то как с языками?

– По этой части Мартын у нас специалист, – сообщил Рыжий. – Он даже с буржуями иногда общается по заданию партии!

* * *

В Советском Союзе, стране рабочих и крестьян, к интеллигенции относились с лёгким, едва заметным пренебрежением. Чужие языки учить было совсем не принято. Нет, конечно, в каждой школе с четвёртого класса обязательно преподавали иностранный, обычно английский, язык, но результатом не озадачивались. Наиболее одарённые дети через пару лет уверенно могли произнести «How do you do?», менее талантливые ограничивались «Yes» и «No».

Иностранцев граждан в СССР было немного. В основном в Советский Союз приезжали студенты из государств социалистического лагеря (не правда ли, замечательный в своём скрытом смысле термин тех времён – «социалистический лагерь»?!) и дружественных государств арабского мира, а также строители и инженеры из тех же держав, обслужи-

вавшие совместные проекты. Бытовое общение с иностранцами в лучшем случае считалось дурным тоном, а в худшем – могло заинтересовать одну очень-очень серьёзную и мощную организацию (КГБ), поскольку контакты с иностранными гражданами, по мнению идеологов коммунизма, неизменно должны были привести к моральному разложению советского человека и даже – о, ужас! – предательству Родины.

Тем не менее мои родители, представители той самой малоуважаемой интеллигенции, считали, что знание чужого языка даже если не пригодится, то, по крайней мере, точно не повредит, и смогли в этом убедить меня. Поэтому к моменту поступления в институт я, в отличие от своих сокурсников, вполне сносно владел французским. Разумеется, сей факт был известен не только моим друзьям, но и различным ответственным товарищам.

И вот однажды, когда мы с Рыжим и Бородой самозабвенно играли в преферанс на какой-то лекции, в аудитории появилась запыхавшаяся секретарша декана, поманила меня пальцем и тихо сказала: «Быстренько беги к декану!» Честно говоря, душа у меня ушла в пятки, и по дороге в деканат я судорожно соображал, что же такого натворил сверх разрешённых по умолчанию безобразий, поскольку ничего хорошего подобный вызов не сулил.

Декан меня встретил деловито и даже как-то уважительно. Страх быстро сменился любопытством.

– Алексей, – произнёс он, – ты, говорят, по-иностранному

неплохо чешешь?

Я молча кивнул.

– Тогда партия тебе доверяет очень ответственное задание. Оправдаешь доверие?

Я снова кивнул (в те годы не оправдать доверие партии было весьма чревато!).

– Сегодня к нам на один день приезжают сыновья французского коммуниста Легранда из Марсея (фамилия коммуниста, возможно, была другая). Зовут их Поль и Мишель. Ты их встречаешь в аэропорту, быстренько выгуливаешь по Красной площади, затем сопровождаешь в Мавзолей В. И. Ленина, а дальше ведёшь ужинать в «Славянский базар». Столик заказан на 19:00. Деньги получишь в бухгалтерии под расписку, возьмишь мою машину.

Я весь раздулся от гордости и самоуважения, сразу представив, как обалдеют мои друзья, когда я им расскажу о поездке на машине самого декана и ужине в ресторане на деньги партии с французскими товарищами по оружию.

Заметив мою реакцию, декан нахмурил брови:

– Смотри мне, не подведи. Денег лишних не трать, счёт и всё прочее принесёшь. Лишнего не болтай, они хоть и коммунисты, но всё-таки империалистические. Если узнаю, что ты их напоил в хлам... (декан картинно закатил глаза) – ой, смотри!

С этими словами напутствия он махнул рукой – дескать,

свободен, выполняй!

Пробок тогда не было, до аэропорта домчали с большим запасом. Самолёт приземлился без задержек. Французских товарищей встретили, на Красную площадь отвезли, на вождя мирового пролетариата поглазели и поехали ужинать.

Беседа не клеилась. Обе стороны друг друга опасались, говорить было особо не о чем (главное – не проболтаться!). Требовалось что-то предпринять.

Я вздохнул, вспомнил предостерегающий образ декана, мысленно произнёс: «Будь что будет!» – и, справедливо раскусив, что с иностранцами, да ещё и на деньги партии, портвейн пить не комильфо, заказал первую бутылку «Шампанского».

К моменту подачи горячего (ароматнейшего и соблазнительного цыплёнка табака!) мы сидели в обнимку с Мишелем, при этом француз заплетающимся языком (но почти без акцента!) бормотал:

– Альоша – лучший друг всех французских коммунистов!

Попытки французов съесть цыплёнка интеллигентно с использованием ножа и вилки оказались тщетными. Тогда я предложил:

– Дорогие Мишель и Поль! Национальное русское блюдо «цыплёнок табака» (мне тогда так казалось!) кушается исключительно руками. Вот так...

Я демонстративно схватил ножку цыплёнка пальцами и впился в неё зубами. По лицу, кистям и, к сожалению, по но-

венькой рубашке тоже текли ручейки масла. Французы от такого зрелища даже немного протрезвели, переглянулись и... со смехом последовали примеру русского комсомольца. Более счастливых людей мне в дальнейшем видеть не приходилось. Чем закончился вечер, осталось тайной...

Через пару месяцев я получил письмо из Марселя. В конверте оказалась фотография, на которой Поль, Мишель и их родители с довольным видом уплетали то ли курицу, то ли утку, держа в руках по большому, аппетитному куску птицы! Под фотографией имелась подпись: «Семья французских коммунистов. Ужин *a la russe*». И была приписка на русском языке: «Спасибо за науку. Мы теперь правильно едим русское национальное блюдо «цыплёнок табака».

А декан так ничего и не узнал. Или сделал вид.

* * *

Но вернёмся в Горелово. В плане познаний иностранных языков Саня себе сильно льстил, да и мы англосаксонской лексикой владели не слишком, поэтому наша беседа продолжалась исключительно на русском, но с периодическими вкраплениями народного фольклора.

– Так, может, выпьем, отметим ваш приезд и знакомство? – предложил Саня без всяких претензий на оригинальность.

Мы с Бородой уже открыли рты, чтобы ответить безуслов-

ным согласиём, но Рыжий нас опередил:

– Нет, Сань, давай перенесём на завтра! Мы сегодня прилично укатались, да и на первую пятиминутку сразу на рогах приходиться неудобно!

Поразмыслив, мы поняли, что наш рассудительный друг определённо прав.

– Ладно, – согласился старший товарищ. – Заодно завтра и обсудим ваши первые впечатления. Будет забавно! Пойдём, возьмём казённое постельное бельё, и я покажу ваше скромное жилище.

Деревянная, довольно крепкая изба, предоставленная гореловской ЦПБ московским студентам, оказалась вполне сносной. Она состояла из сеней, трёх комнат с койками, подозрительно напоминавшими больничные, русской печи, маленькой кухоньки со столом, стульями и буфетом. Умывальник и туалет типа «сортир» находились во дворе. Перед домом имелся палисадник, густо поросший травой и крапивой высотой в человеческий рост (здесь, наверное, у прежних хозяев был цветник). Зато на заднем дворе мы обнаружили вполне ухоженные грядки, на которых кустились укроп, петрушка и зелёный лук, бодро плодоносили огурцы и цвела картошка!

– Можете этим богатством спокойно распоряжаться, – махнул рукой Саня, указывая на весёленькую зелень и садовые овощи. – На закуску вполне сгодится!

– Где воду брать? – решил уточнить я, приметив пару пу-

стых вёдер.

– Колодец общий, метров сто – сто пятьдесят вверх по улице, – ответил наш гид. – Ладно, отдыхайте, располагайтесь. Завтра не проспите: шеф очень не любит, когда на пятиминутку опаздывают. У него там целый ритуал, нарушать нельзя.

С этими словами он пожал нам руки и удалился.

Мы нашли вёдра, сбегали к колодцу за водой (кстати, если её надо много – для полива или ещё зачем-то, – не набегашься!), наполнили умывальник, разобрали спальные места, застелили выдавшие виды койки и уселись играть в преферанс – как всегда, по копейке вист.

Татьяна и другие

Утром следующего дня мы проснулись с удивительной ясностью в голове и твёрдым желанием поднять местное здравоохранение на новый уровень. Наспех умывшись остывшей за ночь водой из уличного умывальника (а бедняге Бороде ещё и бриться пришлось!), мы вскипятили чай, доели остатки нехитрой снеди, которую не осилили в поезде, и двинулись в больницу Солнце пекло прилично, поэтому, хотя путь был не длинным, к месту прохождения службы мы прибыли изрядно взмокшие и взъерошенные. Без каких-то минут девять мы вошли в актовЫй зал. На подиуме под лозунгом «Слава КПСС!» безмолвно и величественно сидели два сфинкса – Валерьян Савельич и Мария Ивановна. С супругой главного нам встречаться лично ещё не доводилось, но она показалась всем давней знакомой из-за красочного рассказа Сани. Дама выглядела удивительно колоритно, и я единственный раз в жизни пожалел, что моя фамилия не Рубенс. С такой натуры великий художник нарисовал бы незабываемый портрет!

Мария Ивановна была потрясающе похожа на розового поросёнка, но только очень-очень крупного. На её голове возвышалась прическа типа «хала», украшенная большой красной искусственной розой. Такой же цветок оттенял игривое декольте, подчёркивающее необЪятных разме-

ров бюст, на котором лежал третий подбородок. Белый накрахмаленный халат был очень коротким. Из-под него выплёскивались наружу розовые бедра, каждое толщиной с молодую анаконду. Валерьян Савельич был тоже весьма величествен, красноморд и торжественно безмолвен.

Народу в зале присутствовало немного – в основном женщины неопределённого возраста. Я с грустью и даже некоторой безысходностью созерцал сию унылую человеческую массу, и, когда в зал вплыла ОНА, я грешным делом подумал, что у меня начались видения. Однако она была вполне реальна и весьма хороша: точёная фигурка, греческий профиль, русые волосы, частично прикрывавшие аппетитную попу, обтянутую безукоризненно белым халатом.

– Это кто? – шёпотом спросил я Сашку, больно пнув его локтем в бок. Он поморщился, причём дважды, поскольку с другой стороны последовал тот же вопрос от Бороды.

– Татьяна, педиатр. Потом расскажу.

Часы пробили девять раз, помешав мне и дальше созерцать прекрасную незнакомку.

Мария Ивановна грузно поднялась со стула и низким голосом изрекла:

– Всем встать! Пятиминутка идёт!

Весь зал, повинувшись команде, встал и замолчал. Я бросил взгляд на Сашку, который не сдержал улыбку, но пытался сделать серьёзную физиономию, отчего вид у него получился весьма комичный.

– Всем сесть. Докладывайте, – приказал главный врач.

Присутствующие уселись. Начались доклады. Дежурная служба вещала что-то невнятное, я продолжал разглядывать зал. Ну и прекрасную незнакомку, разумеется, в первую очередь. Помимо прелестницы-педиатра, моё внимание привлекла седовласая старушка. Судя по внешнему виду и исходя из возможных резервов человеческого организма, она должна была умереть ещё до рождения Валерьяна Савельича.

– Это Прасковья Ивановна, терапевт, – поймал мой взгляд Саня. – Никто не знает, сколько ей лет, но, говорят, от её папирсы прикуривал какой-то знаменитый комиссар во времена Гражданской войны. Она давно не помнит ни названий болезней, ни лекарств, поэтому к больным её не подпускают. Но каждый день она приходит на работу, сидит в кабинете и, наверное, думает, что кого-то лечит, – точно не знаю, меня, как и других коллег, она не узнаёт, а беседовать с незнакомыми мужчинами категорически отказывается. Уволить?! Ты с ума сошёл! Историю нельзя уволить, её нужно знать! Теперь, кстати, ты должен понять счастье Валерьяна, когда он узнал о твоих глубоких терапевтических познаниях. Прасковья ведь наш единственный терапевт!

– Ладно, Бог с ней! – отмахнулся я. Судьба почтенной бабушки сейчас меня не слишком занимала. – Скажи лучше, друг Саня, есть ли в этой печальной лечебнице симпатичные медсестрички, а то среди присутствующих (кроме Та-

тьяны, конечно), Прасковья Ивановна, по-моему, самая сексуальная!

* * *

Тот, кто думает, что советские врачи и медсестры на дежурствах в больнице проводили свободное от исполнения медицинских обязанностей время, увлечённо штудировав учебники по специальности, жестоко ошибается.

На самом деле, закончив обход и выполнив плановые назначения, они собирались в ординаторской или сестринской, выкладывали на стол принесённую из дома или презентованную благодарными прихожанами пищу, доставали бутылку-другую неважно какого алкоголя, чаще всего также подаренного родственниками пациентов (принести врачу бутылку считалось хорошим тоном), и садились ужинать. Если с бутылками не повезло, не беда: медицинского спирта всегда было достаточно. Пили его по-разному, но неизменно с удовольствием. Кто-то (в основном реаниматологи, хирурги и патологоанатомы) предпочитал потреблять его чистым, кто-то разводил простой водой, некоторые делали коктейли с глюкозой, витаминами и прочими составляющими процедурного кабинета, а иные гурманы творили настоящие кулинарные шедевры с кусочками фруктов и ягод, гвоздикой, кориандром и прочими специями. Большие и разные медицинские начальники пытались бороться с использованием спир-

та персоналом не по прямому назначению, они даже периодически делали мелкие пакости, например, давали команду добавлять в спирт йод. Но в Советском Союзе, наверное, каждый ребёнок, ещё задолго до начала изучения химии в школе, отлично знал, что йод бесследно осаждается аналгином или аскорбинкой, поэтому подобные жалкие потуги администрации ничего, кроме хихиканья, не вызывали.

Впрочем, что пили и что ели, абсолютно неважно. А важно то, что обычно ещё нестарые мужчина и женщина, подогретые вполне достаточным, а иногда и сильно избыточным количеством алкоголя, оставались на ночь наедине друг с другом. Понятно, что вне зависимости от их семейного и общественного положения такое randevu частенько завершалось «аморалкой». Замужние и женатые таким образом отдыхали от своих не всегда любимых половинок, холостые доктора просто удовлетворяли молодецкую похоть, а одинокие медсестрички, помимо потворства плотским желаниям, лелеяли розовые мечты (кстати, не всегда несбыточные!) о замужестве. Поскольку докторов-мужчин, как правило, было меньше, а медсестёр – намного больше, в каждом подразделении и за его пределами формировались причудливые хитросплетения человеческих отношений, порой из десятков персонажей.

Жаль, что тогда не было «мыльных опер». Не требовался ни режиссёр, ни сценарист, ни актёры. Снимай себе жизнь скрытой камерой и показывай по телевизору до бесконечно-

сти...

* * *

– Так что, Саня, есть ли здесь симпатичные медсестрички?

– Нету, Леха. И слава Богу!

– ???

– Не понимаешь!? Здесь патриархальная русская деревня. Все девушки от мала до велика (разумеется, я говорю о деревенских!) ходят в юбках до пола и блузках с длинными рукавами и зимой, и летом. Показать любую оголённую часть тела (даже руку!) – предел разврата! Купаться запрещено! Ежели кто увидит, что Манька или Наташка с кем-то обнимается или целуется (о другом даже не заикаюсь), вся деревня будет знать, что она последняя проститутка. Ну а если какой-нибудь особо активный самец начнёт приставать всерьёз, да ещё (не дай Бог!) она согласится... пиши пропало! К нему придут симпатичные люди с вилами и топорами, и он сам удивится, насколько горячо будет их убеждать, что влюбился в красавицу с первого взгляда и просит только об одном – отдать родственницу ему в жены. Этим всё и заканчивается... всегда...

Так что отсутствие местных девушек, вызывающих сексуальные желания, – не беда, а счастье! Диалектика, понимаешь...

«Татьяна, судя по её внешнему виду, явно не деревенская, – подумал я. – Да и санитарка Маня тоже не очень боялась прослыть шалавой!»

– А теперь, товарищи, – в нашу дружескую беседу ворвался громкий голос Валерьяна Савельича, – хочу представить вам молодых докторов, приехавших к нам на практику. Из самой Москвы, – добавил главврач, многозначительно подняв палец-сардельку вверх.

Мы представились, и я с удовольствием отметил, что у некоторых симпатичных девушек мы вызвали живой интерес.

– Пятиминутка закончена, всем работать! – объявил Валерьян Савельич. И, обращаясь к нам, добавил:

– А вы, мои юные коллеги, через час приходите в операционную. Буду проводить плановую холецистэктомию, хоть поучитесь настоящей хирургии!

Борода и Рыжий к походу в операционную в тридцатиградусную жару отнеслись с энтузиазмом, я – нет. В голове родились предательские мыслишки – как бы сачкануть, но я их героически отмёл, рассудив, что с прогулов начинать не стоит.

Мы вышли на улицу, закурили.

– Ну, давай, Саня, про Татьяну нам расскажи, – нетерпеливо потребовал Борода.

Пари

– Мы с Татьяной приехали сюда два года назад по распределению. Я из Рязани, она из Пензы. Очень быстро подружались, полгода были вместе и днём, и ночью. А потом... она обалденная девчонка. Но на ней надо было либо жениться, либо её забыть. А я тогда не был готов к свадьбе. Да и сейчас, честно говоря, не очень...

– А как вы расстались? – спросил Борода.

– Очень просто. Она однажды пришла ко мне и категорично заявила: «Саша, должна тебе сообщить, что я не умею быть любовницей. Так что мы или подаём заявление, или расстаёмся». Я начал мямлить что-то невнятное, как обычно. Она вздохнула, смерила меня взглядом, полным сожаления, встала и молча ушла. Больше она никогда не приходила, а все мои попытки её вернуть пресекала железной рукой. Такой характер!

– Так она свободна? – спросил я.

– Абсолютно! – ответил Сашка.

– А я, пожалуй, попробую! – сказал Борода.

– И не ты один! – заметил я. Мы с Бородой частенько соревновались с переменным успехом по части завоевания женских сердец и прочих органов (здесь, понятно, тоже уступить никто не собирался). Рыжий – тот другое дело. Он больше по части выпивки себя проявлял.

– Вы ещё подеритесь, – мрачно предложил наш целомудренный приятель.

– А драться бесполезно, – Саня посмотрел на нас снисходительно. – Попробуйте... хотя вряд ли у вас чего получится. Больно тяжёлый вариант. К тому же вы маленькие и приехали всего на два месяца!

«Посмотрим», – синхронно подумали мы с Бородой, переглянулись и рассмеялись.

– Ладно, мужики, вынужден вас покинуть, – вздохнул Сашка. – Я же по совместительству анестезиолог! Пойду готовить больного к показательному выступлению Савельича. Приходите через полчаса в операционную, получите удовольствие.

– Можно, я с тобой? – спросил Рыжий.

– Пошли, – кивнул Саня.

Мы с Бородой остались на улице. Солнце припекало повзрослому, стоял полный штиль. Я подумал о предстоящем мастер-классе от Валерьяна в душной операционной и заранее покрылся противным горячим потом.

В тот момент появилась Татьяна, и мы, как два молодых козлика, бросились к ней знакомиться.

– Девушка, признайтесь честно: Вы не видение? Мы даже не могли представить, что в этой глуши встретим богиню! Настоящую богиню красоты и грации, – выпалил я на одном дыхании.

Татьяне было явно приятно слышать мои слова.

– Я вам гарантирую, что я вполне реальна и, к сожалению, совсем не богиня, – в тон мне ответила девушка. – Я Татьяна, скромный доктор-педиатр, отбывающий в этом центре цивилизации второй и, надеюсь, предпоследний год трёхлетнего распределения. А вы?

– Я Алексей, можно Мартын. Это Борода, реже – Саня. У него борода не растёт, поэтому мы его так зовём. А у тебя какие планы?

Татьяна улыбнулась:

– А мы уже на «ты»?

– А мы разве когда-нибудь были на «вы»?! – с притворным удивлением спросил Борода.

Татьяна засмеялась, продемонстрировав идеальную улыбку:

– Планы у меня более чем прозаические: детишки с мамами, которые пришли на приём, уже ждут своего доктора. Так что пока, мальчики! Увидимся позже! – и с этими словами она гордо удалилась, вынуждая нас ещё несколько секунд восхищённо глядеть ей вслед, глотая слюну.

– Хороша, – сказал Борода, мечтательно прикрыв глаза.

– Ага, – лаконично ответил я.

Мы молча выкурили по сигарете и без намёка на энтузиазм направились к хирургическому корпусу.

Там кипела жизнь. Хирургические операции, как мы поняли, были здесь не очень частым событием. В операционной собрались все участники процесса: пациент, уже под

наркозом, благополучно обеспеченным волшебным гинекологом Саней, возможно, при помощи раздувающегося от гордости Рыжего (эти двое тоже были тут), несколько медсестёр, санитарка и мы с Бородой (на заднем плане). В центре внимания был Валерьян Савельич, напоминавший в операционном халате и маске весьма крупное привидение.

– Начнём, с Богом, – проговорило «привидение» и щёлкнуло пальцами. Одна из медсестёр достала пузырёк с медицинским спиртом, налила в мерный стакан ровно сто граммов и протянула Валерьяну. Тот взял стакан, выдохнул, не разводя, залил в себя его содержимое и занюхал рукавом стерильного халата.

– Настоящий хирург перед операцией, – хрипло изрёк «настоящий хирург» после паузы, – должен принять сто грамм, иначе не сложится. Но не больше, иначе тоже не сложится.

С этими словами он взял в руки скальпель и сделал длинный надрез на коже вдоль правой рёберной дуги.

Дальше всё происходящее напоминало замедленную съёмку. Около часа «настоящий хирург» разрезал кожу, внимательно разглядывал ткани, окружающие поражённый орган (так долго, что я грешным делом подумал, не заснул ли он!), а потом минут сорок выделял желчный пузырь, периодически приговаривая:

– Настоящий хирург должен делать всё медленно и обстоятельно. Торопиться тут некуда.

С него ручьями лился пот, который любовно вытирали со лба медсёстры, выполнявшие параллельно функции ассистентов, поскольку другого хирурга (я имею в виду, относительно трезвого!) в больнице не было. Медсёстры тоже истекали потом, но героически держали крючки и подавали инструмент. Санитарка совершала абсолютно бессмысленные движения, гоняя по раскалённой операционной волны горячего воздуха.

Часа через два с четвертью пузырь, наконец, был удалён и торжественно выброшен в лоток. К этому моменту мы давно потеряли всякий интерес к производимому «настоящим хирургом» и его помощниками действию и мучительно ожидали его окончания. Не прошло и трёх часов, как Валерьян Савельич снял маску, сбросил перчатки, вытер халатом мокрую, довольную физиономию и изрёк:

– Ну, вот и всё! Выводите из наркоза и везите в палату. Учитесь, молодые люди, классической хирургии!

Дав последнее напутствие столичным студентам, главврач гордо и независимо вышел вон. Мы тоже покинули операционную, выскочили из здания и, не отходя от «кассы», закурили. То было ни с чем не сравнимое наслаждение!

– Мартын, – когда мы перевели дух, вдруг произнёс Борода, – давай поспорим, у кого с Татьяной сложится. Ставлю бутылку коньяка.

– Армянского. Не меньше пяти звёзд. Принято, – ответил я, протянул Бороде руку и добавил: – Рыжий, разбей.

В Советском Союзе подавляющее большинство граждан не были избалованы разнообразием продуктов и напитков. В продаже не было ничего или практически ничего. На полках продуктовых магазинов можно было обнаружить хлеб, крупы, сахар, соль и такие замечательные консервы, как «Килька в томатном соусе» за тридцать три копейки и «Морская капуста». Когда человек шёл в магазин за колбасой, ему и в голову не приходило задумываться о её возможном ассортименте. Потому что ассортимента никакого не было. Очередь (длинная, злая, ругающаяся) была, а ассортимента – нет. Зато поводов для счастья у совка имелось огромное множество. Удалось заполучить колбасу (ЛЮБУЮ!!!) – радость, а если ещё и СЫР достался – день удался. И не важно, что час-другой простоял в очереди, переругался со всеми окружающими коммунистами и беспартийными, выслушал всю правду о себе и ближайших родственниках до десятого колена. Добытый непосильным трудом кусок еды согревал душу и сердце.

Рассказывали такой анекдот: «Приходит человек в магазин «МЯСО» и спрашивает: «У вас рыбы нет?» Продавщица смотрит на него мрачно и отвечает: «У нас нет мяса, а рыбы нет в магазине напротив!» И появился он не просто так.

С мясом дело обстояло ещё хуже, чем с колбасой. На прилавках можно было увидеть «суповой набор» – едва покры-

тые мясом кости не первой свежести – и главное достижение советской мясной промышленности – «синюю птицу». Так не без иронии называли голубоватого цвета убогих кур, внешний вид которых позволял с большой долей вероятности подозревать, что они умерли своей смертью.

А вот под прилавком... Понятие «взять что-то из-под прилавка» существовало только у нас. Действительно, глядя на полупустые полки мясного магазина и их костлявое содержимое, становилось ужасно интересно: а где же всё остальное!? Где вырезка, шейка, окорок? Где, наконец, грудинка, корейка? А это всё, дорогие мои читатели, находилось ПОД ПРИЛАВКОМ. Не в буквальном, конечно, смысле, а в фигуральном. То есть я, обычный совок, не знающий лично продавщицу Нюру, не имел никаких шансов купить, например, сочный кусочек вырезки и уходил, вздыхая, с «синей птицей». А вот тот, кто Нюру знал и готов был заплатить полторы-две цены, мог наслаждаться добытыми ИЗ-ПОД ПРИЛАВКА деликатесами. Таким образом, по тем временам здороваться за ручку с мясником – как сегодня похлопать по плечу Кобзона!

С алкоголем дело обстояло тоже неважно. За водкой, вином, пивом стояли длинные и ещё более озлобленные, в силу традиционного похмелья, очереди. Периодически Советская власть начинала бороться с пьянством, и тогда очереди становились длиннее (пропорционально общественной значимости антиалкогольной кампании), а борьба за вождя

ную бутылку доходила до мордобоя и поножовщины. Коньяк доставался проще, но он стоил дороговато для простого инженера, не говоря уж о бедных студентах. Никаких «французских бренди», конечно, совки не видели, но можно было приобрести азербайджанский, грузинский и армянский коньяк в диапазоне «три, четыре или пять звёзд», согласно заявленному сроку выдержки. Но если бутылка водки в начале восьмидесятых стоила пять рублей тридцать копеек, то за армянский коньяк «пять звёзд» выкладывали по десять-пятнадцать рублей. Вот почему бутылка коньяка считалась хорошим подарком врачу, учителю, а также уместной ставкой в различных спорах.

* * *

– Рыжий, ты разбивать будешь!?

– Да, буду, буду! Но с условием. Вернее, с двумя. Первое: пьём в любом случае вместе. И второе: как обычно, если проигрываете оба, оба и проставляетесь!

– Давай, разбивай уже! Это всё и так ясно!

Рыжий «разбил».

– А, может, для начала стоит с ней познакомиться, а потом спорить?

– Так мы уже три часа как знакомы, – хором ответили мы с Бородой.

В этот момент появился великий анестезиолог Хвостов.

– Как вам классическая хирургия? – с ухмылкой спросил он.

– Ваш шеф – Пирогов, не меньше! И мы счастливы в течение целых двух месяцев постигать его мастерство! – с пафосом произнёс я.

– Настоящие подхалимы! Ладно, отмечать ваш первый трудовой день где будем?

– Давай у нас. Заодно дом обмоем! Вот только одна проблема: ни пить, ни жрать у нас нечего, да и где здесь чего берётся, пока не знаем!

– Это не проблема. Покурите тут, пойду что-нибудь соберу.

Пока мы ждали Саню с провизией, появилась Татьяна. Мы с Бородой метнулись к ней, но Рыжий сказал:

– Теперь и я пойду знакомиться! Стойте здесь!

– Может, тебя представить? – спросил Борода.

– Как-нибудь без сопливых обойдусь! Курите пока!

Рыжий о чём-то так долго беседовал с Татьяной, что мы даже начали немного ревновать. Девушка поглядывала в нашу сторону, – видимо, говорили они и про нас.

– Рыжий тоже, что ли, решил поучаствовать в споре? Он вроде не по этим делам, – спросил Борода.

– Не знаю, не знаю... в тихом омуте черти водятся!

Рыжий наконец закончил беседу и с довольным видом вернулся к нам. Татьяна с нам не подошла и убежала по своим делам.

– Вы о чём так долго трепались? – начал я допрос с пристрастием.

– Да так, сначала познакомился, потом решил оценить ваши шансы.

– Ну и как?

Рыжий поморщился:

– Думаю, всё будет хорошо. С удовольствием выпьем втроём две бутылки отличного коньяка!

Появился Саня с большой сумкой в руке.

– Смотрите, хватит? – спросил он и раскрыл сумку.

Там лежали две бутылки водки, огромный шмат аппетитнейшего сала с добрыми прожилками мяса, кольцо домашней колбасы, трёхлитровая банка солёных огурчиков, буханка чёрного хлеба, пачка чая и сахар.

– Картошку у вас накопаем, зелень тоже у вас есть. И вот ещё, на всякий случай, – добавил Саня, доставая из кармана какие-то бумажки.

Мы вопросительно посмотрели на него.

– Дурни, это рецепты. Пять рецептов на его величество *Spiritus aethilici rectificati*!

В советское время медицинский спирт купить в обычном магазине было невозможно. А между тем он представлял собой большую ценность, поскольку двести граммов чудо-жидкости достойно заменяли целую бутылку водки стоимостью пять рублей тридцать копеек. Его можно было добыть в любом медицинском учреждении (разумеется, при наличии со-

ответствующих связей) или получить в аптеке по рецепту. На одном рецепте выписывали не более ста миллилитров: теоретически считалось, что им будут протирать задницы перед и после укола. Задницы, конечно, протирались другими веществами, а спирт благополучно промывал пищеводы и желудки в разведении и без.

– Так это же ещё целых две бутылки водки! – обрадовался Рыжий. И добавил: – Теперь точно хватит!

Когда мы проходили мимо аптеки, Сашка толкнул меня в бок:

– Иди, бери спирт. Тебя ещё здесь не знают, – он протянул мне рецепты, по которым Иванов, Петров и прочие Сидоровы должны были получить по сто граммов спирта для протирки своих драгоценных мягких точек.

Я зашёл в аптеку. Там никого, кроме бородатого провизора в несвежем халате, не наблюдалось. До этого я никогда спирт по рецепту не получал и волновался, как бы меня не раскусили.

Я протянул бумажки аптекарю и твёрдо сказал:

– Здравствуйте. Вот рецепты, мне надо для больных товарищей спирт получить.

Мужик внимательно посмотрел на бланки, потом на меня и флегматично спросил:

– Вам в один флакон?

Я притворно возмутился:

– Неужели я похож на человека, который пьёт спирт?!

– Если честно, очень похожи, – искренне ответил провизор.

– Тогда в один, – после недолгого раздумья решил я.

Аптекарь молча налил мне во флакон поллитра спирта.

– Спасибо, – поблагодарил я, взял ценную тару и с достоинством удалился.

Мы пришли домой, наварили замечательной рассыпчатой картошки, сдобрили её зеленью с огорода и салом из сумки, накрыли скатертью стол, расставили тарелки и рюмки, любезно оставленные предыдущими хозяевами, и сели отмечать первый день практики. Ужин получился чудесный!

Утро выдалось заметно хуже...

* * *

Прошли дни...

Завмаг

Практически любой советский человек (в просторечье – «совок») знает, что такое «резинотехническое изделие № 2». Это презерватив. Во времена СССР продавались такие изделия в любой аптеке по цене четыре копейки за две штуки. Совки очень стеснялись их покупать, поэтому, приходя в аптеку, они озирались по сторонам и говорили шёпотом: «Дайте мне ЭТО» – или ничего не говорили, протягивая четыре копейки без сдачи. Провизоры (в основном женщины различного возраста), в свою очередь, стеснялись их продавать. Если иметь дело доводилось с молодыми девушками, они краснели и покрывались пятнами, а если покупателю «посчастливилось» нарваться на девушку бальзаковского (или любого другого) возраста, приходилось терпеть ехидные ухмылки (непонятно, почему), возможно, вызванные лёгкой завистью к предстоящему покупателю процессу.

Однако покупка приснопамятного изделия № 2 хоть и являлась процедурой достаточно неприятной, не могла сравниться с адскими муками его использования по назначению. Дело в том, что отечественная резина отличалась твёрдостью, жёсткостью и упругостью, как линия партии, и при надевании на причинное место приносила такие физические страдания, что физиологические инстинкты меркли и угасали перед стремлением поскорее выкинуть четырёхкопеечное

средство унижительной пытки в мусорное ведро или унитаза.

Официально секса в Советской стране не было. Были любовь (кстати, не только к Родине), страсть, ревность и масса другого, а вот секса не было! На самом деле он БЫЛ, причём вполне беспорядочный, зачастую (о, ужас!) вне брака и совсем нередко в рамках нахальной супружеской неверности. И поскольку импортных презервативов в наличии не имелось, а про прелесть отечественных вы теперь всё знаете (простите, если вы знали это и раньше, и я разбередил сейчас ваши воспоминания о героических мучениях во имя любви к сексу!), совки часто страдали различными венерическими заболеваниями. Тогда, конечно, бойцы интимного фронта не болели СПИДом или гепатитом С, поскольку об этих болезнях никто ничего не знал, а стало быть, никак не мог ими заразиться. Зато гонорея (в просторечье – «триппер»), трихомониаз и в самом худшем случае – сифилис частенько становились неожиданной добычей любвеобильных граждан. Первые два недуга имели достаточно яркие и неприятные проявления, поэтому о них пострадавшие узнавали в течение нескольких дней, последняя напасть отличалась более скудными симптомами, но значительно более тяжёлыми последствиями и обычно выявлялась при случайном обследовании.

Студенты-медики как активные сторонники свободного секса находились в передовых рядах страдальцев от вышеперечисленных инфекций. Поговорка «Тот не мужик, кто хоть раз не переболел триппером» почти точно отражала проис-

ходящее. Конечно, среди студентов и даже медиков находились «ботаники», для которых единственным светлым чувством оставалась любовь к учебнику по истории КПСС или атласу по анатомии, но, поверьте, их было абсолютное меньшинство.

Поскольку венерические заболевания отнюдь не являлись редкостью, их счастливые обладатели не посыпали голову пеплом и не неслись напрямик в КВД. У каждого прилично-го ловеласа, особенно если за его плечами уже был груз двух-трёх курсов медицинского института, имелась своя нехитрая схема лечения неприятных болезней, более или менее успешно с ними справлявшаяся. Насколько успешно, об этом можно было только догадываться, так как ни о каком контроле лечения (как, кстати, и о нормальной диагностике) речь, конечно, не шла. Тем не менее после периода вынужденного простоя бойцы любовного фронта возвращались на передовую с новыми силами.

* * *

Привычно мучась от жажды и лёгкой утренней тошноты, я сидел в поликлинике в кабинете терапевта, распираемый от гордости, что мне доверили столь ответственную работу, с трепетом поглядывал на электрокардиограф, стоявший на процедурном столике и ждавший звёздного часа. Я уже опробовал прибор накануне на Рыжем: кардиограмма, дол-

жен вам сказать, получилась так себе. По крайней мере, мне так показалось, возможно, в силу моих скудных познаний.

В кабинет зашла добрая толстая буфетчица тётя Нюра, посмотрела на меня понимающе, с искренним состраданием и пробормотала:

– Сейчас приду.

А минут через пять моя благодетельница вернулась с большой кружкой простокваши.

– Пей, касатик, поправляйся, – сказала она, с умилением глядя на меня.

– Спасибо, тётя Нюра, спасла, – поблагодарил я, судорожно глотая прохладную тягучую массу.

Тётя Нюра забрала пустую кружку, вздохнула и пошла по своим делам. Наступило блаженство.

Я начал немного соображать и подумал про Татьяну. Вела она себя как-то странно, вроде и общалась с нами нормально, но и близко к себе не подпускала. Ни меня, ни Бороду. Честно говоря, мы и сами не особо усердствовали, так как постоянно были заняты то работой, то досугом с Сашкой Хвостовым. Да и мешали мы друг другу изрядно, когда выдавалась свободная минута...

Я, должно быть, на некоторое время погрузился в сон, но сильный грохот заставил меня открыть глаза. В кабинет влетела женщина непонятного возраста с бюстом не менее восьмого размера, ростом точно не ниже меня и весом с бегемота средней упитанности.

«Брунгильда, – промелькнула у меня в голове паническая мысль. – Именно так она должна была выглядеть!»

«Брунгильда» огляделась по сторонам, отдышалась, вытерла пот носовым платком, плюхнулась на табурет, который застонал, но выдержал всю прелесть её тела, и выпалила со значением:

– Я Степанида Антоновна. Завмаг!

* * *

Позволю себе ещё одно лирическое отступление. В Советском Союзе, как вы уже поняли из моего рассказа, был тотальный дефицит продуктов питания. Так же, даже ещё хуже, обстояло дело с промышленными товарами. Все поголовно пользовались духами «Красная Москва» (если ещё удавалось их добыть!), носили кургузые брюки и юбки – гордость фабрики «Большевичка» и, если это можно так назвать, туфли Усть-Урюпинской обувной фабрики.

Парадокс заключался в том, что, отправившись в гости в сколь-нибудь приличный дом, на столе вы могли рассчитывать найти всё: и копченую колбаску, и икорку, и закуски самые разнообразные, и многое другое. «Откуда бралось такое изобилие?» – спросите вы. И вот тут мы подходим к такому замечательному изобретению социализма, как «блат».

Блат – это связи, которые позволяли совку что-либо раздобыть или что-либо сделать. По блату ходили в кино на нор-

мальные фильмы и в театры на хорошие спектакли, по благу поступали в институты и получали приличную работу, по благу доставали продукты питания и импортные шмотки. В особо дефицитных случаях устраивался даже «конкурс благов», когда искомый раритет доставался тому, чей блат оказывался самым крутым. Феномен блага породил ещё один феномен. Только в СССР слово «нет» стало абсолютно однозначным. Если вы спросите американца или любого другого француза, сколько оттенков у слова «нет», он только пожмёт плечами. Советский же человек всегда отличал слово «нет» от словосочетания «совсем нет». Например, вы приходите в магазин и говорите: «У вас есть джинсы?» Продавщица отвечает вам: «Нет». «Совсем нет?» – спрашиваете вы. Это значит: «Я понимаю, что джинсов по семьдесят рублей у вас нет. Но, может быть, за сто двадцать они найдутся!?» Дамочка за прилавком задумывается, и зачастую действительно оказывается, что «нет» и «совсем нет» – это абсолютно разные вещи. Джинсы волшебным образом появляются, причём нужного вам объёма и роста.

Все отношения «по благу» можно разделить на две группы: «дружеские» и «коммерческие».

«Дружеские» отношения – это когда у меня есть товарищ, например, директор магазина. Мне нужны модные брюки, которых, понятное дело, нет в широкой продаже. Я обращаюсь к товарищу, и он мне из дружеских побуждений дарит

или по себестоимости продаёт те самые брюки.

«Коммерческие» отношения, в свою очередь, тоже можно разделить на две группы.

Первая – это отношения типа «ты мне – я тебе». Предположим, я директор продуктового магазина, а Вы – промтоварного. Вы мне добываете шубу для жены, а я Вам взамен – колбасу, икру и крабов в эквивалентных по цене количествах. Или моя дочь хочет поступить в медицинский институт, а Вашего сына надо пристроить на работу в посольство Мавритании. Я помогаю Вашему сыну, Вы – моей дочери.

Вторая – отношения типа «товар-деньги». У меня есть дефицитные брюки, государственная цена которых пятьдесят рублей. За пятьдесят рублей у меня их, конечно, нет. Но за сто есть! Или если даже их «совсем нет» сегодня, вы даёте мне сто рублей, и завтра они будут!

Во всех этих товарно-денежных цепочках ключевую роль играл завмаг. Это такой маленький князёк на вверенной ему государством территории, который получал весь дефицит, распределял его, решал, кому чего сколько и по какой цене продать. Продавцам тоже кое-что доставалось от знатного пирога, но лишь жалкие объедки со стола всемогущего хозяина. Поэтому иметь своего завмага почиталось большим счастьем для любого совка. В конце концов, даже если сегодня вам не нужна шуба, её всегда можно обменять на колбасу и билеты в театр!

Но вернёмся в кабинет терапевта Гореловской ЦРБ.

«Завмаг – это хорошо», – подумал я и участливо спросил:

– Чем, девушка, я могу быть Вам полезен?

При слове «девушка» Степанида Антоновна стыдливо покраснела и произнесла громким шёпотом:

– Клянись, что никому не скажешь.

– Могила, – ответил я почему-то тоже шёпотом.

Она подскочила ко мне и вцепилась в отворот халата. Я попытался было вырваться, но силы оказались явно неравными, и я смирился с неизбежностью.

– Ты умеешь лечить... ну, эти болезни? – спросила она.

– Какие болезни? – не понял я.

– Ну, эти... Которые там... – ответила «Брунгильда» и ткнула себя между ляжек, каждая из которых по ширине обхвата дала бы фору столетнему дубу.

Тут я догадался, что какой-то очень смелый самец умудрился мало того, что вступить в интимную связь с этим мастодонтом, так ещё и заразил её нехорошей болезнью! «Бедняга, – подумал я. – Если он ещё здесь, его надо срочно разыскать и объяснить, что появление в радиусе ста километров от Горелово может оказаться последним событием в его удалой жизни». Однако положение Степаниды было незавидным: она не могла обратиться с такой болезнью ни

к кому из местных врачей. Это же позор! Навсегда! Ко мне она пришла от безысходности, ведь я чужак и вряд ли буду распространяться, особенно если об этом просит завмаг.

– Разумеется, я Вам помогу, – сказал я с достоинством. – Я сам схожу в аптеку и всё куплю, Вам не надо светиться.

– Спасибо, – выдохнула она с облегчением. – Сколько я тебе должна?

– Только за лекарства. Я ведь тоже смогу к Вам обратиться?

– Конечно, в любое время дня и ночи.

И это оказалось как нельзя кстати. В Горелово была страда. Страда – время уборки урожая. Урожая чего – мы так и не поняли, вроде бы, ничего интересного в округе не росло. Но на время страды, длившейся целых два месяца, в деревне устанавливался сухой закон. В магазине вообще не продавали спиртного. Нас, однако, это уже не касалось. Излеченная Степанида Антоновна снабжала нас горючим бесперебойно и по себестоимости. Иногда даже со скидкой, причем большой. Всё, как положено. Ты мне – я тебе!

Званный ужин у Сани

Как-то утром после активного отдыха с перерывами на кратковременный сон под палящим солнцем на берегу реки мы обнаружили нашего друга Рыжего с физиономией во все не рыжей, а ярко-красной, как задница молодой макаки. Он, как и всякий светлокожий блондин, сгорал на солнце моментально и весьма обстоятельно. При этом любое движение и прикосновение даже лёгкой одежды приносили ему настоящие муки. Мы поняли, что он не транспортабелен и абсолютно не способен к любому виду труда. Как люди весьма сердобольные, мы наполнили холодной водой большую бочку и поместили в неё нашего несчастного товарища. Тот благодарно скривил подобие улыбки и задремал, напоминая своим положением аллигатора, поджидающего несчастную жертву. Только вот ничего хорошего нашему аллигатору ждать не приходилось...

Посмеиваясь над новоявленным Диогеном, мы отправились на работу.

После пятиминутки к нам подошёл Саня и заговорщически прошипел:

- Часов в семь приходите ко мне в гости. Выпьем, закусим. Девчонки приедут, скучно не будет.
- Кто такие? – удивился я.
- Понятия не имею. Даже сколько их, точно не знаю, –

ответил Саня.

Увидев на наших лицах серьёзные сомнения в своём психическом здоровье, он прошептал:

– На аборт приедут. Только никому... – и приложил палец к губам.

В Советском Союзе дела с контрацепцией обстояли из рук вон плохо. Поскольку в обществе строителей коммунизма секса якобы не было, никто о нём толком ничего не знал. Совки постигали печальные последствия случайных связей на собственной шкуре. Помимо уже известной вам проблемы с венерическими заболеваниями, у некоторых девушек почему-то наступала беременность. Встречались гражданки, которые с ужасом узнавали о своём интересном положении спустя полгода и более, но речь сейчас не о них, поскольку в их случае в момент прозрения выбора уже не оставалось. Если же девушка была смышлёной и грамотной, нарушение цикла, тошнота и изменения вкуса хотя бы через пару месяцев сеяли в её душе смутные подозрения.

Беременности, как известно, бывают желательными и нежелательными. При этом нежелательные наступают легче и чаще, а изначально желательные мало того, что нередко требуют значительных усилий, так ещё в итоге иногда оказываются нежелательными.

Поясню на примерах. Некая юная обольстительница просыпается с утра в постели с тремя джентльменами, пытается с трудом осознать собственную личность, знакомится за-

ново со всеми троими, вальяжно говорит: «Вася, сигарету! Петя, зажигалку! Ваня, налей выпить!» – и, выпуская через нос клубы сизого дыма, задумчиво вопрошает: «Что бы сказала моя мама, если бы узнала, что я курю?!» Ясное дело, в данный антураж никакие дети заведомо не вписываются. Тем более не совсем понятно, кого объявить счастливым отцом. Если девушка, проснувшись к обеду с больной головой, с удивлением обнаруживает, что она уже совсем не девушка, при этом попытки прямые и косвенные выявить творца сего безобразия оказываются безуспешными, а через месяц появляется утренняя тошнота и солёный огурец становится пределом мечтаний – такая беременность нашей красавице тоже совсем ни к чему! Или если гражданка соврала своему мужу, страдающему первичным бесплодием, что будет ночевать у любимой подружки Саши, а сама кинулась к Саше, но совсем к другому и прямиком угодила в омут сексуальных утех, после чего куда-то подевались месячные и стало тошнить... в общем, понятно.

Совсем другое дело, когда двое молодых людей любят друг друга. Вернее сказать, девушка думает, что любит, а парень просто пользуется её юным телом для удовлетворения своих сексуальных потребностей. В такой ситуации счастливая девица, обнаружив все признаки беременности, бежит вприпрыжку к предполагаемому суженому, чтобы сообщить «благую» весть. Она рассчитывает на страстные поцелуи и слова: «Выходи за меня замуж!», – а взамен слышит невнят-

ное бормотание, в котором чётко различается только слово «аборт». После долгих слёз и упрёков вроде: «Ты обещал на мне жениться!», – она получает окончательный приговор: «Мало ли что я на тебе обещал!» Мир грёз разом рушится, и беременность вдруг становится обузой.

Или другой пример. Провинциальная тигрица является покорять столицу. В течение нескольких месяцев она всеми доступными способами и местами своего тела пытается хоть чего-то добиться, но... В итоге она понимает, что единственный путь зацепиться за вечерние огни большого города – беременность от москвича любого качества и степени изношенности, но с квартирой. И – о, счастье! – она знакомится с гражданином неопределённого возраста, проживающим в полном одиночестве в небольшой, но уютной квартирке, не совсем в центре, но и не в селе Кукуево-Дальнее. Наша тигрица незамедлительно затаскивает гражданина в постель, где и насилует его без всякой жалости до тех пор, пока не случится счастливое соитие сперматозоида с разомлевшей от ожидания яйцеклеткой. И если гражданин действительно является обладателем квартиры и добропорядочным коммунистом, пиши пропало, про этот случай я вам уже всё рассказал ранее.

Но... так бывает не всегда. Коренной москвич на поверку вполне может оказаться шестидесятилетним разнорабочим из деревни Иечкино Магаданской области, имеющим жену-алкоголичку и пятерых детей от пятнадцати до трид-

цати пяти лет от роду. Как он попал в столь сомнительную ситуацию? Да очень просто! Приехал в отпуск на месяц посмотреть златоглавую, заселился в пустующую квартиру старинного школьного товарища и не устоял перед домогательствами молодого глупого тела. И плевать он хотел и на будущую маму своего возможного шестого ребёнка, и даже – страшно сказать! – на саму Коммунистическую партию – дальше Колымы всё равно ведь не отправят! Вот и получается, что такая желанная ещё несколькими днями ранее беременность становится большой и серьёзной проблемой.

Как бы там ни было, нежелательная в итоге беременность требовала немедленного прерывания. Никаких медикаментозных препаратов раздобыть было практически невозможно, а попытки использования «народных средств» заканчивались весьма печально: развивались очень серьёзные осложнения, вплоть до фатальных, или, в лучшем случае, беременность сохранялась. Соответственно, единственным разумным решением в такой ситуации было обращение к врачу. Он и только он мог относительно безопасно провести весьма неприятную процедуру, заключающуюся в выскабливании внутреннего слоя матки. Причём надо было успеть до срока в двенадцать недель, поскольку позже операция превращалась в уголовно наказуемое преступление как для пациентки, так и для решившегося на неё доктора.

Вот и выходит, что сделать аборт в Советском Союзе оказывалось тоже весьма непростым делом. Закон его не запре-

шал, однако общество строителей коммунизма категорически не приветствовало безвременную смерть своих потенциальных членов. На рискнувшую попать сложившиеся устои и принятые моральные нормы даму показывали пальцем, шушукались за её спиной и с укоризной качали головами. Да и справок для официальной процедуры требовалась уйма, что до неприличия расширяло список лиц, которые «были в курсе». Если всё это происходило в миллионном городе – ещё ничего, а если в небольшом, где каждый знает каждого?! И приходилось пострадавшим от легкомыслия или несбывшихся надежд (кто как) искать обходные пути. И пути эти находились. В любом городишке или его окрестностях обязательно промышлял врач-гинеколог, который делал аборты на дому или в больнице, но в приватном режиме и за отдельную плату. О нём не писали в газетах, его нахальную физиономию не показывали по телевизору, но все знали, к кому следует обратиться для незаметного и тихого прерывания беременности. Единственным плюсом подобного выбора, помимо анонимности, было нормальное обезболивание, которое обычно выполнял платный доктор.

Как выяснилось, коммунист тов. А. Н. Хвостов был одним из таких продажных гинекологов. К нему по пятницам стекались группки пострадавших от любви девушек, которых или вечером того же дня, или утром следующего злодей Хвостов лишал радости будущего материнства. День выбирался не случайно. Нелегальная деятельность требовала, чтобы в

больнице не было главврача, да и вообще лишнего персонала. Как известно, деньги любят тишину...

Зачем тов. Хвостову были нужны дополнительные заработки, оставалось тайной за семью печатями. За его работу на две ставки по двум специальностям плюс дежурства государство платило столько, что любой академик, увидев зарплатную ведомость, плюнул бы на свои научные изыскания и помчался бы работать дежурантом в Гореловскую ЦРБ. При этом тратить деньги в Горелово было решительно не на что, ибо, кроме нехитрого скарба, водки и дешёвого портвейна купить в местном сельпо было абсолютно нечего. Да и провизия редко требовала финансовых затрат, поскольку всё необходимое приносили любимому эскулапу благодарные односельчане.

Ровно в семь вечера мы с Бородой подошли к Саниному дому. Дверь была гостеприимно распахнута настежь. Изнутри доносились звуки буржуазной музыки (мы не были большими меломанами, но сделали такой вывод, поскольку пели не по-нашему и не Иосиф Кобзон). Едва переступив порог, мы застыли при виде трогательной картины: справа от входа, поднимаясь до самого потолка, громоздились ящики с водкой, симметрично слева – с коньяком, а с обеих сторон чуть ближе к входу возвышались, как две несущие колонны, огромные бутылки с белой мутной жидкостью, видимо, брагой.

Спотыкаясь о разбросанные предметы обуви, одежды и

пустые бутылки, мы пошли на звуки проигрывателя и попали в просторную комнату, где, вероятно, уже не первый час шло веселье, в просторечье называемое пьянкой. За столом сидел Саня с красной, потной и довольной рожей, на коленях у него полулежала излишне худая девица лет тридцати в маечке со спущенной бретелькой, из-под которой виднелось то, что, будь оно хотя бы чуть-чуть побольше, можно было бы назвать грудью. Рядом примостились ещё две красавицы, немного моложе первой и значительно более пышных форм.

– Мужики, наконец-то! – обрадованно завопил Саня. – Мы уже вас заждались. Наташа, Маша и Наташа. А это – Мартын и Борода, – он быстро представил нас друг другу.

Я пристроился к одной из Наташ, аппетитной русоволосой девушке с кокетливым бантиком в виде бабочки, Борода – к другой Наташе.

– Штрафную, братцы, – орал Саня, наливая нам с Бородой по полному гранёному стакану водки.

– Они в курсе? – спросила Маша у Сани. Тот кивнул.

– Друзья, – пьяным голосом провозгласила кокотка, сползая с Саниных колен. – Грустные события привели нас к вам в деревню. Залёт, называется. Но, если бы не это, мы бы с вами никогда не познакомились. А мне ваша компания начинает нравиться, – протянула Маша, расплываясь в кривой улыбке. – Выпьем за успех нашего безнадёжного дела! Ура!

Все вскочили, закричали «ура», зазвенела посуда. Потом пили за женщин, за мужчин, за врачей, за родителей, снова

за женщин...

Алкоголь сделал своё дело, захотелось продолжения. Я стал аккуратно поглаживать под столом округлое бедро моей соседки, размышляя, как бы поскорее с ней уединиться.

И тут вдруг Маша, пристально поглядев в плавающие Санины глаза, спросила:

– Док, а сколько после этого нам нельзя будет с мужиками... того... Недели две?

– Думаю, побольше, – пробормотал Саня, посапывая.

– Девки, так чего же добру пропадать!?! – закричала она. – Айда, разбираем мужиков – и по койкам!

С неожиданной для своей хрупкой внешности и дозы принятого спиртного силой завтрашняя пациентка потащила полусонного доктора Саню в соседнюю комнату.

Моя Наташа встала, взяла меня за руки и притянула к себе. Её влажные губы, казалось, обхватили меня полностью, с головы до ног. Она повела меня в другую комнату, на ходу виртуозно скидывая одежду с нас обоих. Я даже очухаться не успел, как уже не только был готов к употреблению, но и вполне профессионально использовался по прямому назначению!

* * *

Часы на стене пробили семь раз, и одновременно громкий противный голос завопил: «Рота, подъём!» Я заткнул уши,

но в голове продолжали переливаться рулады, сотканые из боя часов и на редкость отвратительного мужского голоса. Я попытался размять затёкшие руки и обнаружил под одеялом что-то мягкое и тёплое – это была необъятная Наташкина задница, призывавшая к продолжению банкета. Но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.